

УМНОЖИЛИСЬ ВРАГИ МОИ

ВЗЫВАЮЩИЙ

Александр Куссуль

Народ Завета распространяет своё влияние и свой Закон. Техника, работающая при помощи молитв, даёт перевес над самыми яростными воинами пустыни. Однако исчерпывается ли этим помощь Высшего? Пророк, поломавший каноны, прокладывает новый путь.

Умножились враги мои. Взывающий

В зале собраний Молящихся походной службы было жарко и душно, как всегда при общем сборе. Старшие поглядывали на скиникума, стоящего на возвышении. Тот был неподвижен, как деревянные фигуры в ограде Дома решений.

Это был второй общий сбор походной службы за несколько дней. Совсем недавно на этом же возвышении стоял вестник особого суда. Мрачное настроение после его речи не покидало многих в походной службе, так что скиникуму своим появлением всех скорее обрадовал. По крайней мере его приход означал более привычные и куда более ожидаемые новости.

— Все в сборе, эдона скиникум! — доложил дежурный. Скиникум кивнул и развернул свиток.

— Я собрал вас от имени скинического совета Синклита, по распоряжению Синклита и в следовании воле Высшего. Несём Завет!

— Завет в нас! — хором отозвался зал собраний.

— Скинический совет сообщает вам о народе Хаб-Элми, живущем в оазисе Архаб. Что надлежит знать об этой земле: оазис плодороден, его питает выход из-под земли вод подземной реки. Пашни и огороды там обильны, велики пастбища для скота. В Архабе есть кузницы, в наших глазах они стоят лишь жалости, но раз они есть, то есть и железо. Лесов в том направлении нет, а значит, у них есть ещё и уголь. Кроме того, расположение оазиса Архаб даёт возможность легкого достижения других обитаемых мест в пустыне далеко за долиной реки Альвикан. Для всех нас важно, что Синклит считает место сие крайне нужным для распространения Завета. Несём Завет!

— Завет в нас!

— Теперь скажу о народе Хаб-Элми. Их около десяти тысяч, примерно половина живёт обработкой земли, из остальных где-то две тысячи — это воины, что регулярно отправляются в походы. О походах этих надлежит сказать отдельно: Хаб-Элми — страх и боль для окрестных племён. Только за время наблюдения маскифами они дважды отправляли отряды в небольшие оазисы, что идут чередой вдоль той же подземной реки. Грабят, а также захватывают рабов, предположительно для работы на добыче угля и железа. Мудрые из Кодеха говорят, что в основном эти походы нужны знатным людям Хаб-Элми, чтоб держать в страхе окрестные земли и для сохранения воинами умений и боевого духа.

Скиникум перевел дыхание и обвел взглядом собравшихся.

— В Кодехе со слов маскифов, наблюдавших за жизнью народа Хаб-Элми, полагают, что люди с земли в Архабе мечтают стать воинами и время от времени кое-кого из них берут в войско. Принадлежность к войску у них наследственная, так что возвышают, сами понимаете, немногих. Знатные люди народа Хаб-Элми происходят только из воинов, ходят они богато, гордо и надменно, царя своего называют Высочайшим.

Поклоняются Хаб-Элми каменному идолу у выхода воды из-под земли. Всё как обычно у ничейных — шествуют пред ним и украшают, жертвы приносят. Кровавые жертвы тоже есть — рабов из пленных режут. Типичная мерзость ничейных с их кумирами без цели и пути. Нет пути мимо воли Высшего!

— Воля Высшего показывает путь!

— По решению Синклита объявляю скинию в землю Архаб, дабы принести туда волю

Высшего и привести народ Хаб-Элми к следованию этой воле через повиновение Завету. Мы дадим им справедливый закон, принесем им достаток без войны и лучшие дети их смогут узнать и принять Завет. Несём Завет!

— Завет в нас!

Теперь Молящиеся походной службы ожидали слов, которые определяют жизнь многих из них в ближайшем будущем. Под выбеленным потолком зала собраний стояла тишина.

— Скиния формируется в обычном составе. Один тяжелый стенокат в полном вооружении, один защищенный быстроходник, только из ремонта, шесть котельных тягачей с телегами. Десять совлов с ударным комплектом, из них два взлетающих с телеги. Людской состав набирается без простодушных, только Молящиеся.

Командиром стеноката назначается ниор-цев Шенай Бартеом. Эдона Бартеом, ты подберешь на стенокат людей из уже ходивших скинией. И сам выбери управляющих совлами. Для остальных групп назначишь старших, они людей себе сами наберут.

— Но, эдона скиникум, подбором людей, тем более старших, всегда занимается Пророк. Чем, ради Высшей воли, отличается эта скиния?

— Эдона Бартеом, вопросы принято задавать после оглашения! Жди и слушай.

— Намерение не по пути, эдона скиникум. Прошу простить.

— Продолжаю. Теперь скажу как раз о Пророке объявляемой скинии. Об этом есть отдельное распоряжение Синклита. Все вы недавно слышали решение особого суда о бывшем кир-цеве Годоне Селиоте. Я полагаю, что многие из вас ждут слов и о его участи. Слушайте все! Ныне я объявляю во имя Высшей воли, что именовавшийся Годоном из семьи Селиот назначен Пророком скинии, отправляемой в землю Архаб. На всё время скинии он именуется не иначе как Пророк — запомни это, эдона ниор-цев — и у него будут особые предписания по служению в скинии. И у тебя тоже будут, ниор-цев, имей в виду. Молчите и слушайте! Обсуждать будете в собственное время, а не при служении!

Удивлённые услышанным Молящиеся походной службы смолкли.

— Скиния будет готовиться в течение дюжины дней. Через три дня я жду от тебя, эдона Бартеом, доклад об окончании подбора людей для скинии. И подготовку техники тоже проверять будешь сам каждодневно. Остальное узнаешь позднее.

Молящиеся походной службы! Скинический совет, Синклит и весь народ Завета ждёт от каждого усердия в служении и старания в праведности. Несём Завет!

— Завет в нас!

— Можете расходиться. Ниор-цев Бартеом, задержись. Получишь необходимые сведения.

Стража в тюрьме особого суда сменяется каждый час. Годон Селиот выучил это ещё во время предсудебных допросов, а теперь отмечал по сменам течение времени с утра до вечера. Время текло медленно между допросами, а теперь, после суда, и вовсе почти остановилось. Никто не заходил к осужденному уже третий день, а со стражами, ходящими по коридору, поговорить было невозможно. Набранные исключительно из простодушных "бойцы деревом и железом" неукоснительно следовали приказам и совершенно не желали давать никаких послаблений попавшему под их охрану молящемуся, тем более носившему ранее высокое звание. Это Годон Селиот тоже усвоил ещё до суда.

На выбор осужденному оставалось два занятия — ворочаться на жестком тюфяке, перебирая в памяти по минутам день, когда закончился его путь Молящегося, ведущего

основной отряд скинии, либо мерить шагами камеру, вспоминая дословно суд, где кир-цев Годон Селиот лишился звания и имени. Он порой и сам избегал называть себя по-прежнему, как будто фраза из решения суда "и никто больше не знает тебя перед Высшим" была молитвой, получившей ответ, а сам он не более чем включенным этой молитвой устройством. "Или скорее выключенным" — промелькнуло у него в мыслях.

— Ты должен был повести стенокат вперёд по знаку Пророка скинии и только по его знаку же начинать бой с ничейными.

— Да, начать бой по знаку, если ничейные проявят злобу и воспротивятся пути скинии.

— Как ты должен был начать бой согласно опыту и наставлениям?

— Молитвой привести в движение стенокат и направить его на войско и вождей.

Приказать стрелкам открыть огонь.

— Молитвой привести в движение? Скажи ясно! Не блуждай в намерениях и не теряй действия!

— Молитвой о горении в двигателе перевести его на полную мощность. Молитвой о разделителе привода соединить двигатель с катками. Молитвой об управлении усилить руль, в случае отказа поставить к рулю сильного помощника. Распорядиться стрелкам молитвами привести орудия в готовность и потом приказать открыть огонь.

— Теперь расскажи сделанное тобой.

— Я увидел, что Пророка гонят палками среди стада свиней и кидают в него нечистотами. И увидел я, что племя смеётся над тем, как он спотыкается и падает, и встаёт каждый раз всё труднее, и кричит ему — Ну скажи своему богу, пусть он вступится за тебя! И я решил вести стенокат на них.

— Пророк дал какой-то знак? У тебя были ещё какие-то приказы, по которым следовало начать бой?

— Нет, я решил сам, поскольку увидел...

— Ты уже сказал ранее, почему решил действовать без знака и приказов. Что ты сделал в исполнение решения?

— Я произнес молитву о поражении ничейных, вставших против пути Высшей воли.

— Дословно!

— Во имя воли Твоей, творящейся во всём, да придёт закон Твой в землю эту, ради поражения презирающих путь Твой да явятся мощь и сила руками несущих её!

— Каков был ответ?

— Двигатель увеличил мощность, пришли в движение катки, руль легко управлял направлением хода стеноката.

— Продолжай.

— Стенокат сбросил укрытие и набрал полную скорость, мы быстро преодолели расстояние до края долины, оказавшись в виду ничейных. Я увидел Пророка уже не в картинке, передаваемой с совла, а своими глазами. Он лежал среди свиней и был в крови и нечистотах. Я...

— Пророк подавал знаки? Он был жив и в сознании?

— Он был в сознании и не подавал знаков. Он рыдал и не мог ничего сделать. Я произнес молитву о сокрушении...

— Дословно!

— Ради движения воли Твоей, несущей Высший путь в землю сию, пусть не минует восставших против Тебя гнев Твой!

— Что последовало за этим?

— Двигатель стеноката остановился. Орудие в левом “бычьем лбе” сделало самопроизвольный выстрел, при этом снаряд не вышел из ствола, ствол раздуло и надорвало. Стрелок на правой установке сделал попытку выстрела, заряд не воспламенился. Я приказал техникам запустить двигатель молитвами и стрелкам заново подготовить орудия. Также я передал в рубежный лагерь приказ нанести удар совлами.

— Продолжай.

— Двигатель не запускался. Ни одно из орудий не получилось изготовить к стрельбе, у всех оказались заклинившими механизмы наведения. Из лагеря сообщили, что удалось поднять только три совла. Эти совлы появились над ничейными как раз тогда, когда Пророк смог подняться на ноги. После этого...

— Скажи о своих намерениях и действиях.

— Я передал сигнал на остальные машины всеми силами явить Высший гнев и сдал командование стенокатом помощнику... Я сказал ему, что лучше сейчас мне не находиться здесь. Сойдя со стеноката, я бегом направился к Пророку, чтобы защитить его. Я закричал ничейным, чтобы убоялись они Высшего гнева.

Непроницаемые лица судей стояли в памяти Годона Селиота, ровный голос ведущего допрос снова и снова звучал в ушах.

— Мы знаем, что произошло дальше. Доклад об успешном принесении скинии к народу Соу оглашён в суде. Также оглашён доклад о повреждениях техники, которой была снабжена эта скиния. Ты слышал и понял то, что стало ответом на твою молитву?

— Да.

— Скажи.

— Двигатель и привод стеноката сломаны, двигатель можно использовать только на запчасти. Орудия удалось привести в годность только ремонтом с многочисленными молитвами, в том числе с многократными молитвами на простые действия. У пяти совлов необратимо повреждена система управления.

— Ты понимаешь, почему это произошло?

— Я проявил самонадеянность в молитве. Я должен был просить о действиях, а попросил помощи в намерении. Я не справился с определением того, чего прошу.

— Это грубая ошибка, непростительная для допущенного к работе Молящегося и преступная безответственность для Молящегося высокого звания. Но ты совершил куда худшее. Скажешь или услышишь?

— Я не вижу в сделанном мной худшего, чем сказал. Говори.

— Разве твоя молитва была просьбой? Разве ты предался Высшей воле в своих словах? Разве была в твоей молитве готовность принять любой ответ? Ты не просил, ты требовал. Ты требовал от Высшего вмешаться по твоей воле!

— Я не требовал! Я призывал его на помощь страдающему на пути Высшей воли!

— Ответа Высшего тебе недостаточно? Кто получает ответом на слова огонь и обломки? Тот, кто обратил к Высшему слова, противные Его воле и в намерении, ему чуждом. Ошибки и глупость Он оставляет без внимания, но нечестие отринувшего путь Завета карает без промедления!

— Вы обвиняете меня в том, что я в своих намерениях оставил путь Завета?

— Происшедшее не оставляет другого суждения.

Это воспоминание снова и снова заставляло Годона Селиота останавливаться в

хождении по камере и сжимать кулаки. Он набирал воздуха, чтобы выкрикнуть хотя бы стенам ответ на это проклятое "происшедшее не оставляет другого суждения", но снова и снова молча продолжал ходить. Самым скверным было то, что у него тоже не находилось другого суждения.

Выработанный бессчётными молитвенными тренировками навык мгновенно обращать мысль в связные фразы не позволял даже мысленно просто кричать "нет, это не так!" Обязательное прохождение мысли от цели до действия, то, что уже много лет делало его Молящимся, не оставляло возможности спорить только со словами обвинителя, оставляя в стороне их суть.

"Никто больше не знает меня перед Высшим, а я по-прежнему не знаю иных рассуждений, кроме как от Высшего" — горько усмехнулся бывший кир-цев, — "Впрочем, когда меня выкинут подышать в пустыню, это не будет иметь особого значения". Этот приговор не был единственно возможным. Отверженного могли отправить на вечные каторжные работы вместе с осужденными за тяжкие преступления простодушными. Сейчас Годон Селиот не знал, какой исход он бы предпочёл. Впрочем, и предпочтения его тоже значения не имели.

Шум и множество шагов в конце коридора прервали безвыходные размышления. К решетке подошел человек в черном одеянии вестника суда в сопровождении четырёх стражей. Один из них отпер и открыл решётку. Вестник развернул свиток. "Вот и исход," — подумал Годон Селиот. — "Изгнание или каторга? Ставлю на изгнание".

— Ты, кого раньше знали перед Высшим как Годона из семьи Селиот! Ты слышишь и понимаешь меня?

— Слышу и понимаю. Читай, что там у тебя написано.

— О твоей участи вынесено решение особого суда и Синклита. Тебе даётся возможность ещё одного служения. Если ты сумеешь его исполнить во благо пресуществления Высшей воли, тебя опять узнают перед Высшим. Возможно, жизнь ты тоже сохранишь. Ты принимаешь новое служение?

— Принимаю, — ответ опередил любые мысли.

— Ты принял служение, — вестник сделал пометку на свитке. — Хорошо. Отсюда ты отправишься в скинический совет. Отныне ты — Пророк скинии, отправляемой в землю Архаб к народу Хаб-Элми, дабы принести в эту землю волю Высшего и привести народ сей под закон людей Завета. На время этой скинии люди Завета знают тебя перед Высшим как Пророка. Остальное — при подготовке, — вестник отошел от камеры и жестом указал на выход.

Стенокат на огражденном рабочем поле Техниона напоминал муравейник — столько людей суетились вокруг него. Каждый из катков, диаметром по пояс человеку, устанавливала целая бригада простодушных, и около них суетился управляющий ими хативан, постоянно сверяясь с записями. Работы по подготовке скинии регулярно проверялись, и никакая срочность не служила оправданием замеченному несоответствию. За первые три дня подготовки уже два хативана были сброшены в рабочие без права работы с записями, притом один из них с запретом на повторное восхождение. Ниор-цев Шенай Бартеом, руководящий подготовкой скинии, не был склонен к снисхождению. На рабочем поле нарастало напряжение куда большее, чем обычно в таких случаях. Все слышали, что эта скиния особенная, но чем и почему, знали очень немногие.

Шенай Бартеом был из числа немногих, и на этот раз привычная избранность старшего его тяготила. Сейчас он осматривал крепления бортов к задней стенке, пытаясь привычным занятием подавить неприятные размышления, благо машина выше человеческого роста содержала огромное количество деталей, и места для недоработок хватало. Но по распоряжению скинического совета на рабочее поле были собраны все самые опытные в технике Молящиеся и после них ниор-цеву редко удавалось что-то найти. Шенай Бартеом встряхнулся и поднялся внутрь стеноката, решив проверить подготовку оборудования.

В стенокате, каким бы огромным он ни выглядел снаружи, было тесновато. Основную часть задней половины занимал двигатель и громоздкий привод катков. Оставшееся место вместо ещё не установленных топливных цистерн было заполнено Молящимися, проверявшими и настраивавшими узлы самого мощного самоходного средства, имеющегося в распоряжении людей Завета.

— Эдона? — молодой техник со шнуром старшего ученика нервно повернулся к подошедшему Бартеому.

— Не отвлекайся! Эдона ниор-цев спросит тебя, если понадобится, а до того работай, не суешься, — одёрнул его наставник с лентой опытного Молящегося. — Ещё раз по порядку. Называешь этапы, проговариваешь по месту, потом оглашаешь части молитвы по этапам.

— Ну который раз уже! Разреши уже сделать, кир, не огнесмесь же в орудиях готовим, давай сейчас включу-выключу!

— А упасть обратно в ученики не хочешь? По порядку — начинай!

— Цель: распространение Высшей воли в новые земли. Путь: принести скинию к народу Хаб-Элми, дабы скиния привела ничейных к закону Заветных. Намерение: подготовить стенокат к надёжному и быстрому движению. Действие: соединить двигатель с приводом катков. Теперь части молитвы...

— Действие конкретнее! Ты ломом двигатель с приводом соединить хочешь или куском веревки? И по намерению — от соединения двигателя с приводом движение машины зависит?

— Так. Понял. Намерение: подготовить стенокат к надёжному приведению в движение. Действие: включить соединение двигателя с приводом катков.

— Годится. Вариант для выключения?

— Намерение то же самое, поскольку подготовить, а не привести в движение. Действие: выключить соединение.

— Вот сейчас отлично. Ладно, давай части молитвы.

Шенай Бартеом с легкой усмешкой прислушивался к тренировке, присматриваясь попутно к другим работающим вокруг двигателя. В памяти всплыло собственное обучение в Технионе, когда ему весь первый год бессчётными повторениями вколачивали последовательность составляющих молитвы, от цели к действию. "Слова о цели дадут право на путь, слова о пути — право на намерение, слова о намерении — право на действие, и всё это право — лишь право просьбы" — прошептал он непроизвольно формулу из техизиса. Последняя часть опять напомнила ему о недавнем решении особого суда и отдельном наставлении, полученном от скиникума с глазу на глаз.

— В решении особого суда сказано, и ты наверняка это помнишь: обратившись к Высшему с требованием, отверг путь Его воли. А вот чего не было в приговоре и что важно тебе знать: известный ранее как Годон Селиот, прежде чем обратился с требованием к Высшему, произнес ещё одну молитву. Она была также недопустимой, она не содержала

просьбы о действии, в ней было только намерение — и эта молитва получила ответ. Совершились действия, о которых не говорилось в молитве, но соответствующие оглашенному намерению. Понимаешь сложность ситуации, эдона ниор-цев? — скиникум вцепился взглядом в глаза Бартеома. Тот тяжело вздохнул.

— Это всё вопросы для мудрых из Кодеха, эдона скиникум. А у меня вопрос только один, и ты сам его знаешь: почему именно этот человек будет Пророком скинии, идущей в землю Архаб? — теперь уже Шенай Бартеом сверлил глазами собеседника. Скиникум криво усмехнулся.

— Суждение мудрых из Кодеха, эдона ниор-цев. А также особое распоряжение Синклита. Не достаточно ли тебе этого, чтобы исполнить служение?

— Да и нет. Если ты не скажешь больше, я продолжу подготовку и отправлюсь в скинию с положенным усердием. Но усердие без понимания слепо, сам знаешь. Совету нужно слепое служение для успеха этой скинии?

Скиникум задумался. Осведомленность второго человека в скинии, а на деле реального предводителя, была оставлена на его усмотрение. Вариант действий командира "без суждений, не относящихся к действиям", который рекомендовал старец из Кодеха, имел свои преимущества. Впрочем, подумал скиникум, он уже выдал Бартеому долю сокровенной части этой особой скинии, так что не было смысла останавливаться.

— У этой скинии есть особые задачи и отдельная сложность, эдона Бартеом. Я не просто так упомянул о получившей ответ молитве того, кто будет у вас Пророком. Как ты знаешь, Высший в милости своей отвечает порой и при неточной молитве, в благе своём часто отвечает на неполную молитву, если Молящийся ясно имел в уме недостающие части цели и пути. Но тут был получен ответ на молитву не о действии, и даже непонятно, о намерении ли. И ответ явил собой сразу много неназванных, но связанных действий, подобного чему в записях Кодеха не найдено. Возможно, что всё-таки была произнесена неполная молитва, обращённая с нужными действиями в уме — но это решено подвергнуть испытанию.

Шенай Бартеом перешёл в переднюю часть стеноката. За его спиной лязгнула соединительная муфта привода катков, отделяя катки от двигателя. Ответ на молитву старшего ученика привёл в действие нужные части в закрытом кожухе, как и должно было произойти. Еще несколько повторений — и ученик получит одобрение в листе упражнений, а его наставник, повторив всё сам, поставит отметку в листе проверок ходовой части стеноката.

На площадке управления несколько Молящихся под руководством мастера из техниона выполняли сложную проверку рулевой системы. По бокам шла работа с орудийными установками. Насколько было видно Бартеому, в передних "бычьих лбах" вся механическая часть уже была на месте, на левом "лбе" проверяли облегчение подвеса подвижной части, у правого готовились к пробной стрельбе.

"Всё должно работать безукоризненно и откликаться на должные молитвы," — ниор-цев опять вспомнил слова скиникума. В случае, если испытание, которого так хотят мудрые, провалится (а этого следовало ожидать), скиния должна придти в Архаб под его, Бартеома, командованием, поразив всех из народа Хаб-Элми, что попытаются встать против пути Высшего. Воинов там много и разгрома они пока не знали — по оценке скинического совета это должно повлечь быстрое падение ложной воли, когда воля Высшая явится в силе своей. Однако силу нужно было явить полной мерой, что называется, "не уронив ни капли в песок".

"Красиво говорит скиникум, а мне-то это делать" — впрочем, ниор-цев хорошо знал своё служение и в этой части у него не было вопросов. Как и в той части, которая касалась вероятной судьбы Пророка — молитвы, нужные для боевого применения техники, получали практически гарантированный ответ в случае несомненного отвержения Высшей воли ничейными. Надругательство над Пророком или его убийство было прямым выступлением против пути Высшего, так что примерный план действий скинии ниор-цеву был понятен. А вот испытание, описанное скиникумом, продолжало беспокоить, как плохо сросшаяся кость. Чтоб не вспоминать о нём снова, Шенай Бартеом принялся наблюдать за проверкой орудий на правом "бычьем лбе".

— Мишень выставлена? Ограждения установлены?

— Всё готово! В секторе никого нет. Эй, на крыше! Всё чисто?

— Да, можете стрелять. За сектором никого до горизонта.

— Заряжай по одному! — со снаряд-пакетами возились довольно долго. Шенай Бартеом поморщился, но промолчал — ожидать от техников, ведущих подготовку, сноровки людей походной службы не приходилось.

— Заряды замолённые? А, ладно, повторим для верности, — Молящийся у орудий сосредоточился. — В исполнение Высшей воли пусть приходит Закон его в земли иные, да окажутся орудия готовы служить средством Высшего гнева, пусть заряд сей станет годным воспламениться!

— Готово. Всем внимание! Выьыстрел! Первый ствол ручным запалом — огонь!

Грохот выстрела оглушил всех в стенокате. Сквозь смотровое окошко в "лбе" ниор-цев увидел обломки мишени, разлетающиеся в стороны.

— Всем внимание! Выьыстрел! Второй ствол — молением!

— Во имя Высшей воли да придёт Закон его к ничейным, да станет орудие готово явить Высший гнев, пусть заряд воспламенится!

Второго выстрела все уже ждали, приостановив работы, но ничьим ушам от этого легче не стало. На этот раз Бартеом в сторону мишени не смотрел.

— Хорошая работа, одобрение усердию, — бросил он техникам. Те оглянулись на него и вытянулись.

— Несём Завет!

— Завет в нас, — ниор-цев направился к выходу. Скиникум в его воспоминаниях не отступал, намереваясь снова повторить самую беспокоящую часть наставлений.

— Пророк пойдёт говорить с народом Хаб-Элми, и вожди народа сего в гордости своей непременно будут с ним высокомерны и грубы. Он хорош в речах и у него с собой будет настенный картинник, так что он продержится некоторое время — и всё это время никакого явления мощи Высшего вы не будете совершать. Кроме того, и за этим, ниор-цев, ты будешь следить особо — вся техника должна быть готова к действию, но ничего, кроме совлов для наблюдения, не должно использоваться. И все твои люди, не занятые на необходимых дежурствах, будут наблюдать за всем тем, что может быть приведено в действие молитвой. Им не надо знать смысла этого, объяснишь повышенной готовностью из-за вероятного набега ничейных и повелением скинического совета подробно записывать все подробности скинии. Смело жалуйся и сетуй на выживающих из ума старцев, — неожиданная для скиникума улыбка оживила его лицо.

— Вы ожидаете, что Пророк будет молиться в земле ничейных об успехе скинии, вознесёт молитвы без обращения к конкретным действиям — и это приведёт в движение

нашу технику? — сомнение в голосе Бартеома граничило с откровенным недоверием.

— Мы допускаем это. Пророк очень силён в молитве, он уже получил ответ на молитву о намерении, и если он на этот раз не поставит себя против Высшей воли, то его молитва вновь может быть услышана. Каким бы ни явился ответ, люди Завета смогут узнать больше о пресуществлении воли Высшего и о способах нам следовать по Его пути. Так считают в Кодексе. Это дело чрезвычайной важности. Так решил Синклит. — лицо скиникума опять застыло маской усердия в служении, очень похожей на деревянные лица на воротах Дома решений.

Смотреть на подготовку котельных тягачей Шенай Бартеом не стал и направился к ограде, за которой шла работа с самой сложной техникой, которая появилась у людей Завета уже на его памяти. Собственно, как и "волосая электрика", на которой основаны памятно-ключевые устройства, управляющие самостоятельной техникой. "А ведь теперь без совлов никто и не представляет не то что скинию, а и просто жизнь в землях Завета," — подумал он. — "И мало кто, кроме техников, вспомнит полное название — система ограниченного воздействия летающая".

За оградой ниор-цева встретило пощелкивание рулей, поворачивавшихся на крыльях и хвостах совлов, установленных на проверочные козлы. Слева взвыл двигатель, временно заглушив остальные звуки. Техник передвинул рычаг на блоке управления неподалеку от совла. Двигатель стих.

— Передача сигналов устойчивая, картинка со стеклоглаза идёт, — проверяющий сделал отметку в списке. — Эдона ниор-цев?

— Программные режимы ещё не проверяли? — вопрос был формальностью, порядок испытаний Бартеом прекрасно помнил.

— Заканчиваем с простыми командами, потом пойдём по режимам. Закончим по списку завтра к середине дня, если будет это по пути Высшей воли.

— Хорошо, продолжайте, — ниор-цев двинулся дальше и вдруг резко остановился. Между следующими проверяемыми совлами стоял высокий худой человек в длинной белой симле — плаще, обязательном для Пророка. Темные ввалившиеся глаза его жадно впитывали все действия Молящихся, занятых у блоков управления. Те временами оглядывались на него с некоторой опаской.

— Эдона ниор-цев! Приветствую тебя как собрата в скинии! — Пророк направился к Бартеому.

— И я приветствую собрата в скинии, Пророк, — теперь на них обоих уже открыто уставились все в ограде. — Отойдём под навес, не будем мешать усердию этих людей.

Под навесом отдохали двое из числа Молящихся, занятых совлами, но при виде подошедших они торопливо допили подкрашенную вином воду и почти бегом отправились по местам. Бартеом и Пророк расположились за самым дальним столом. Пророк плеснул в кружки из кувшина.

— Разделишь питьё с лишенным званием и имени, эдона Бартеом?

— Разделю питьё с Пророком скинии, в которой моё служение, — Бартеом не отвёл взгляда.

— Ты уже знаешь особую часть этой скинии? — усмехнулся Пророк.

— Ты не должен молиться вблизи техники. Ты пойдешь говорить с народом Хаб-Элми без подачи знаков и сигналов остальной части скинии. Ты не должен отступать. Когда ты пойдешь говорить, я приму командование над остальной скинией и я буду решать, когда

завить ничейным мощь и гнев Высшего. И да, скиникум мне рассказал, длячего Пророком посылают тебя.

— Всё верно. Надеюсь, ты не против того, чтобы я присматривал за подготовкой скинии?”

— Ты Пророк. У нас обоих есть особые распоряжения от скиникума, но в остальном твой ранг с тобой. От нас ждут усердия в служении...

— ...И старания в праведности. Не предложу тебе довериться по части праведности, но на усердие, думаю, ты можешь положиться. Пойдём посмотрим, что другие в своём усердии делают сейчас с техникой.

Пророк и ниор-цев пробыли в ограде дотемна. Совлы требовали множества проверок, причем некоторые состояли из нескольких молитв подряд и сложной последовательности действий с блоком управления. А успешной проверка считалась только после троекратного повторения — таковы были наставления для автономных систем.

— Может, ты займешься наблюдением за комплектованием скинии припасами, эдона Пророк? На тягачах проверяют молитвенные действия, это дело для допущенных к работе Молящихся.

— Напомню, что решением особого суда меня лишили права молитвенных действий, но не понимания их. И не сомневаюсь, что ты уже выделил кого-то заведовать припасами.

— Как скажешь, эдона Пророк.

Если посмотреть в эти дни на картинку, передаваемую с наблюдательного совла, как это регулярно делал скиникум, место сбора скинии напоминало не то устье реки с множеством притоков, не то муравейник. По дорогам из разных частей Мци-Хабрит — земли Обретения Завета — стекались телеги, запряженные быками, перемежаясь самоходными повозками. Припасы, оружие, детали для техники, люди множества занятий — скиния брала долю от всего, что делалось в родной земле Завета.

Как всегда, не обходилось без сложностей. При проверке быстроходника нашлось много неисправностей, и хотя в списке не было ничего непоправимого, сам размер этого списка породил споры. И как часто бывает в таких случаях, потребовалось решение скинического совета. Скиникум сложил по порядку доклады.

Ниор-цев Бартеом: требуется ремонт найденных неисправностей по списку, список предполагает замену многих узлов, как раз считавшихся до того отремонтированными.

Пророк: столь значительное количество найденных неисправностей означает нередко и неисправности пока не найденные, а также возникающие вновь. Не следует брать в скинию этот быстроходник.

Технион: есть два полностью исправных быстроходника, но оба они числятся в списке последнего резерва, подчиненного Синклиту. Все пять из списка общего применения в ремонте или его требуют.

Резолюция скинического совета: крайне нежелательной видится задержка с выходом скинии.

Бартеом: как отвечающий за подготовку техники, предлагаю починить быстроходник силами техниона.

Пророк: как Пророк сей скинии, настаиваю на замене быстроходника на исправный.

"Держится, словно бы и впрямь возглавляет скинию," — скиникум отбросил в сторону последний доклад. — "Однако же и впрямь он назначен Пророком. А резерв, пожалуй, обойдётся пока и одним исправным." Скиникум взял в руки отброшенный лист и принялся

писать на нём.

"Во имя особых распоряжений, подтвержденных Синклитом, перевести в скинию быстроходник из последнего резерва. Назначенный же ранее в скинию отправить в резерв на смену, выполнив ремонт должным образом и без спешки."

В пути. Приближение

Скиния покинула место сбора и направилась к границе Мци-Хабрит вечером назначенного для выхода дня. Необходимые наставления и провозглашение были сделаны очень быстро, чтобы до заката скиния успела пройти положенные по обычаю две тысячи шагов, без которых путь не считался бы начатым.

Посмотреть на спешно устанавливаемый дорожный лагерь пришло почти всё ближайшее селение. Людям походной службы было не до них, но тем не менее отработанные действия по обустройству на ночь, как всегда, порадовали глазающих: через полчаса между телегами была растянута сеть, внутри, прикрытые тягачами, стояли шатры. Несколько Молящихся готовили к запуску совла — даже не выйдя из границ родной земли, походная служба считала себя в пути в полной мере.

В командном шатре трое смотрели на отображающее стекло блока управления совла. Пока что его стеклоглаз показывал только песок и сеть, ограждающую лагерь. Картинка задрожала, снаружи донесся нарастающий вой двигателя. Через пару мгновений на стекле уже мелькали окрестности лагеря.

Управляющий совлом положил руку на блок управления и сосредоточился на передаче команды.

— Ради распространения воли Высшего по далеким землям пусть же придёт с нами закон Завета в землю Архаб, да увидим мы ясно в дороге всё, нас окружающее, пусть взгляд сего устройства описывает круги вокруг места нашего ночлега! — он посмотрел на отображающее стекло, читая состояние совла.

— *режим кругового патрулирования — экономичный полёт* —

— Хорошо. Забирай блок к своим, последите два круга и сажайте. Ещё раз запустите после полуночи. Если всё в порядке, извещать не надо.

— Да, Пророк, — управляющий совлом перевёл взгляд на Бартеома. — Эдона?

— Пророк распорядился, — отозвался ниор-цев. — Исполняй!

Управляющий слегка поклонился, поднял блок управления и вышел.

— Согласно наставлениям по подчинению я должен объявить ему недовольство, — Шенай Бартеом подвесил на крюк над столом фонарь и принялся возиться с его регулировкой.

— Не требуется, — ответил Пророк. — Он не отверг моё распоряжение. И все знают, кто на самом деле возглавляет скинию.

— Тем не менее я напому людям о надлежащем порядке в служении, — Бартеом вернулся за стол. — Если ты не прикажешь иного, эдона Пророк.

— Я знаю, что предоставлено делать мне в этой скинии, эдона ниор-цев. Я должен либо привести народ Хаб-Элми к Завету словом во имя Высшего и с помощью Его воли, либо вынудить их встать в их гордости и мнимой силе против нашего пути. Всё остальное предоставлено тебе, эдона Бартеом. Я иду в эту скинию с ясным пониманием и открытыми глазами.

Пророк открыл средний ящик в походном блоке и достал оттуда короб.

— Надеюсь, картинками для показа нас снарядили хорошо. Их подвезли в последний момент, так что остаётся уповать на тщательность подготовителей рассказов при совете.

Дорога от границы Мци-Хабрит до долины реки Альвикан, где заканчивались земли, приведённые к закону Завета, по большей части не отличалась от остальной пустыни. Однако дозорно-сигнальные вышки, от каждой из которых можно было разглядеть следующую, не давали сбиться с пути, и вдобавок около многих из них были узкие колодцы-скважины с ветряным подъемником воды. У одной из таких вышек скиния и остановилась на ночь. Первый переход по пустыне прошёл без неожиданностей, в работе техники не было замечено никаких недочётов, но дежурные тем не менее тщательно осматривали ходовую часть стеноката, быстროходника и тягачей. После установки лагеря Пророк поднялся на вышку.

— Я уже сообщил о вашем прибытии в службу вестей, эдона... — молодой маскиф вопросительно посмотрел на Пророка.

— Пророк, маскиф, этого достаточно. Передай, пожалуйста, ещё одно сообщение в скинический совет.

— На нашей вышке есть аппарат дальней электросвязи, эдона Пророк, — гордость дежурного, исполнявшего явно первое своё служение, была забавной. — Он в твоём распоряжении, сообщение дойдёт мгновенно.

— Спасибо, эдона маскиф. Срочности нет, хватит и сигнальной связи.

Спустившись с вышки, Пророк застал Бартеома принимающим доклады дежурных. Судя по докладам, вся техника была в идеальном состоянии, едва ли не лучше, чем сразу после постройки. Старший управляющий совлами задержался после ухода дежурных, задумчиво разглядывая подъемник воды. Бесконечный ремень беззвучно бежал по шкиву, стряхивая струйку в жёлоб.

— Насколько я понимаю, это устройство работает всё время и молитвами в действие не приводится... Как-то не задумывался, а ведь оно использует внешний источник и преобразование энергии. Тут явно есть какая-то тонкость, не подскажешь ли, эдона ниорцев?

Шенай Бартеом повернулся к Пророку.

— Действительно тонкий вопрос, для знатоков свитков. Ты лучше пояснишь, думаю.

— Простое преобразование движения в движение даровано Высшим нам для использования во благо каждодневно. Давление ветра и течение воды сами собой являют Высшую волю и не надо просить об их применении. Это было установлено мудрыми из Кодеха в очень давние времена, эдона Кареши.

— В школе Техниона об этом не упоминали, — Ниосат Кареши по-прежнему смотрел на механизм, поднимавший воду из глубины колодца так же неспешно и непрерывно, как пересыпается песок под ветром. Пророк усмехнулся.

— В Технионе простые механизмы изучаются как данность. Нет нужды Молящимся, занимающимся сложной техникой, вдаваться в тонкости, что не потребны для их работы. А вот в школе для хативанов это как раз обязательно учат и разбирают на множестве примеров. Грамотные простодушные должны знать, куда им не соваться, а где, напротив, не надо попусту звать Молящихся.

— Благодарю, эдона Пророк. Во имя Высшей воли я стал понимать больше, — Ниосат Кареши слегка поклонился и направился к своим людям, готовившим к взлёту совла. Через некоторое время там взвыл двигатель, и совл взлетел, отправляясь по наблюдательному кругу. Хотя вышки и обозначали проложенный Заветными путь, пустыня вокруг не была родной землей и патрульные полёты здесь выполнялись каждые два часа. Когда скиния

минует долину Альвикан и двинется к земле Архаб, совлы будут запускаться постоянно. “Напомнить ниор-цеву залить перед выходом из долины все топливные бочки под завязку,” — отметил Кареши на листке в карманной связке. — “И надо подготовить подъем на сниженной тяге. Молитва для проверки этого может не получить ответа, но всё в воле Высшего.”

Двор Дома решений долины реки Альвикан был окружен цветущими кустами, сквозь которые едва проглядывала изгородь. С крыльца открывался вид на ратту — высокое здание с башней, откуда местные богатые торговцы правили долиной. Верхние этажи их домов также были хорошо видны, в отличие от заполнявших берег складов, сараев и навесов.

Торговля вверх и вниз по реке была основой жизни долины. Задолго до того, как эта земля приняла закон Заветных, неповоротливые барки отправлялись на много дней пути ко всем, жившим по берегам Альвикан, а быстрые узкие лодки-”восьмиручки” опережали их и уходили ещё дальше.

Живущие в долине всегда поклонялись реке, её мощному течению, сезонным разливам, затоплявшим берега вместе с сараями и причалами и открывавшим путь в верховья реки у подножия гор. Столбы с лицами реки, стоящие на границе воды и земли, никогда не оставались без богатых украшений. Люди Завета смотрели на них без радости, однако закон в этом был категоричен: ложная воля может быть отринута только собственным желанием ничейного. Жителей долины, пожелавших восхождения к Завету, можно было счесть по пальцам одной руки, однако и недовольных правлением Завета было едва ли больше. С тех пор как судовладельцы получили возможность впрячь в свои барки водные тягачи вместо орав босоногих тягальщиков, шедших по берегу и регулярно становившихся жертвами пустынных разбойников, а любители задаром разгрузить чужое судно стали нарываться на град пуль с тех же тягачей, речная торговля полностью отошла к людям из долины.

— А что предложили тягальщикам и прочим чернорабочим? — С балкона второго этажа Дома решений был хорошо виден берег, на котором кипела работа на причалах и около них. — Закон предписывает делать дань лёгкой, а подчинение охотным. Когда мы шли сюда, я видел лица простых людей, и по ним ясно, что в долине Альвикан это получается хорошо.

Помощник наместника, смотревший на суету у причалов, повернулся к Пророку.

— Хорошо, и хорошо весьма! Дело в том, что дань здесь мы берём только с тех, у кого есть свои слуги или работники. И дань притом невеликую, могли бы и вовсе не брать, но иначе эти ничейные в своей привычке считать и перевзвешивать нас просто не поймут. Доля в торговле — наш основной доход на реке Альвикан. А поскольку без наших водных тягачей и нашего оружия они уже никуда не ходят...

Пророк понимающе усмехнулся. В долине Альвикан было явно и зримо воплощено начертание “пусть жизнь ничейных, принявших закон людей Завета, станет лёгкой и радостной, дабы не сомневались они в истинности Закона и в праве людей Завета”. Здешние торговцы умели распознавать выгоду, и сиюминутную, и будущую — поэтому в своё время, когда в эти земли пришла скиния Заветных, не потребовалось являть силу Высшей воли, и тем более гнев Высшего. Пророку той скинии оказалось довольно первой речи и показанных картинок, а также вида стеноката и тягачей, пришедших к границам долины, чтобы собравшийся в ратте совет забросал его вопросами об условиях принятия закона Заветных, объеме дани и ориентировочной плате за использование техники и оружия.

— А те, кому раньше осталось бы только наниматься в тягальщики, теперь строят качальные дворы для топливного масла невдалеке от долины, — добавил помощник наместника. — Пару лет назад была найдена толстая жила, что очень кстати, поскольку уголь для водных тягачей приходится завозить из ничейных мест ниже по течению, а раньше и вовсе из Мци-Хабрит таскали. Скоро перейдём на жидкое топливо, переделка двигателей уже вовсю идёт.

“Только вот заполнить бочки скинии уже второй день не можете,” — подумал Пророк. Топливо в долину привозили непрерывно, но все телеги направлялись к берегу, где находилась выгороженная пристань для водных тягачей. В здешнем Доме решений ссылались на необходимость обеспечения срочных договоров и постоянных соглашений и жаловались на ничтожную выработку легкого масла, которое требовалось совлам. Сегодняшним утром Шенай Бартеом предлагал отладить работу совлов на среднем топливном масле, взяв для стеноката дополнительный запас угольной крошки. Ниосат Кареши был категорически против, напоминая, что совлы и так молитвоёмки дальше некуда. Пророк отмалчивался, а когда спор пошёл на третий круг, бросил старшему управляющему:

— Иди в комнату связи Дома. Сообщение в совет таково: продолжаем ожидать пополнения запасов скинии, необходимых для выхода в землю Архаб. Выйдем сразу после получения необходимого. Подпись: Пророк. Повторение: Кодекс, Синклит.

Когда Кареши выскочил из шатра, Пророк посмотрел на Бартеома, явно удивленного дополнительными адресами:

— Думается мне, что осужденному особым судом не станут высказывать упрёков о порядке подчинения.

К Пророку и помощнику наместника на балконе присоединился третий человек. Пришедший был в расшитом золотыми нитями плаще и черной с таким же золотым шитьем шапочке. Лицо его было изрезано глубокими морщинами, губы плотно сжаты в недовольной гримасе.

— Эдона наместник, — повернулись к нему оба собеседника.

— Мне пишут одно и то же из Кодекса и Синклита. А из скинического совета прислали сообщение дальней электросвязью. Ты поднял сильный ветер, эдона Пророк.

— Я следую назначенному пути, эдона наместник. Сожалею, что это возмутило спокойствие в усердии.

— Но не говоришь ‘намерение не по пути’ при этом, — наместник сощурил глаза.

— Не говорю, — отозвался Пророк. — Мои намерения по пути, а путь следует цели.

— Ладно. Судя по тому, что я знаю, моё одобрение или недовольство для тебя мало значит, — наместник повернулся к помощнику. — Легкое топливное масло выдать из последнего резерва, если не найдёшь в общих запасах. Среднее направь из прибывающих в долину бочек с ближнего качального двора.

— Сейчас заправляются тягачи для караванов дома Килкети, караван выходит сегодня вечером... — начал было помощник, но наместник прервал его резким взмахом руки.

— Хочешь сказать, что запасы на портовых складах заранее все расписаны под заявки от уважаемых торговых домов, и среди них не осталось собственно запасов? Тогда тебе придётся потеснить кого-то из заказчиков, и возможно, вернуть какие-то авансы. Потом доложишь, какие именно. Иди.

Помощник наместника бросил на Пророка злобный взгляд и ушёл с балкона.

Наместник посмотрел во двор Дома решений, заполненный техникой скинии. Вокруг

быстроходника и тягачей возились Молящиеся походной службы и несколько человек из местного ниор-техниона.

— Эдона Миах хорошо ведёт дела с ничейными, но порой забывает, что доход от торговли — не единственное, что нам нужно от этого места. А Дом решений Мци-Хабрит закидывает вопросами ‘Когда ниор-технион сможет строить двигатели? Когда ожидается первый выпуск школы ниор-техниона? Когда топливо можно будет не завозить в долину Альвикан, а вывозить отсюда? Когда можно будет формировать местную походную службу?’ Кстати, многие из этих вопросов упираются в пресловутых Хаб-Элми, так что на твою скинию есть и мои личные упования. Надеюсь, ты сможешь верно следовать Высшей воле и она придёт в Архаб.

Всё это было Пророку хорошо известно. За время подготовки скинии он прочитал и услышал всё, что в Мци-Хабрит знали о Хаб-Элми, а заодно и многое о землях вдоль реки Альвикан. С недавних пор набеги стали доходить и до поселений на левом берегу реки, так что столкновение было лишь вопросом времени. Посланная в землю Архаб скиния была шагом на опережение. Приведение Хаб-Элми под власть закона Заветных устраняло сразу множество угроз и должно было сберечь много сил, средств и людей.

“А если скиния падёт, то эти гордые ничейные увидят мощь и гнев Высшего в достаточной мере, чтобы остеречься прямо вставать на нашем пути,” — мрачно подумал Пророк. Этот исход означал серьёзные боевые действия, чего люди Завета успешно избегали уже более века, со времён стимланской войны.

— У меня одно намерение, и оно по этой цели, эдона наместник.

— Топливо прибудет до вечера. Остальные припасы по списку уже доставлены. Как сказал мне ниор-цев, командующий стенокатом, необходимые работы с техникой заканчиваются, — сухо сказал наместник и покинул балкон, оставив Пророка в одиночестве.

Утром следующего дня скиния покинула долину Альвикан. Наплавной мост на нескольких барках был немедленно разобран сразу после перехода реки последним тягачом с телегой, давая дорогу торговым караванам.

Вышка, которую можно разглядеть далеко впереди или позади, не очень-то меняет вид пустыни. Но отсутствие вышек неизменно держало людей походной службы в напряжении, превращая пустыню в землю неизвестности и опасности. Очередной доклад управляющего совлом “Ничего по всему кругу” мало что в этом менял. Стрелки регулярно приводили в полную готовность орудия и заряды к ним, свободные от дежурства люди вглядывались в изгибы барханов наравне с наблюдателями. Техники прислушивались к работе двигателей и приводов и время от времени возносили молитвы об избавлении подшипников от песка.

Шенай Бартеом в узкое переднее окно стеноката видел куда меньше наблюдателей. На ничейных землях он предпочитал сам стоять на рулевом посту, лишь изредка сменяясь, чтобы передохнуть. Ниор-цев старался предельно почувствовать связь лязга механизмов, докладов из смотровой башенки, пустыни, качающейся в переднем окне стеноката, усилия рук на руле и всего прочего, что складывалось для него в общее “чувство поля боя”. Рядом с ним техник устанавливал блок управления совлами; со следующего дня пути картинки в отображающем стекле расширяют это чувство.

— Второй большой блок поставишь на быстроходнике? — Пророк спрыгнул вниз из смотровой башенки, передав оптическую трубу сменившему его наблюдателю. Тот произнёс молитву для улучшения фокусировки и принялся осматривать дальние барханы.

— Да. И один совл с тележным запуском тоже на нем размещу. Эдона Кареши с утра проверит взлёт-посадку и сразу туда поставим, — Бартеом не отрывал взгляд от песка впереди стеноката, песка за ним и снова песка дальше.

Пророк не стал спрашивать про установку на быстроходник дополнительной “шеи” с орудием. Ниор-цев явно не собирался снижать огневую мощь основной группы, а бывший кир-цев не собирался лезть со своими советами и оценками. Бартеом понимал своё служение не хуже, и исходил из тех же знаний.

— В трубу без молитвы видно хуже, — заметил Бартеом, не поворачиваясь.

— Как известно нам обоим, а также всем и каждому, мне запрещено произносить молитву для какого-либо действия, — Пророк оглядел стрелков у орудий, техников в задней части стеноката и вслед за ниор-цевом остановил взгляд на пустыне впереди. — Единственное исключение мне пожаловано для настенного картинника.

— Да, кстати. Сегодня во время ночевки надо будет проверить его применение. Кто-нибудь из техников поработает киром для соблюдения порядка.

Пророк горько усмехнулся. По мере приближения к цели Шенай Бартеом держался всё отчуждённее и сам практически никогда не заговаривал с ним. Остальные люди в скинии держались подобным образом с самого выхода, за исключением разве что Ниосата Кареши, который после разговора у подъемника воды часто расспрашивал о тонкостях применения Завета в разных случаях. Молящиеся, работающие с автономными системами, с их сложным сочетанием молитвенного управления и собственных программных режимов, часто интересовались такими вещами, в отличие от техников по двигателям и оружию.

— Так, эдона Пророк. Для применения картинника нужно зажечь лампу, она надёжно работает на любом жидком топливе, если горелку с топливом подготовить молитвой. Этапы молитвы: цель, путь, намерение, действие. Молитву с разделением по этапам, пожалуйста.

Это выглядело, да пожалуй и было явным оскорблением. И это было установленным порядком проверки работы Молящегося. Пророк глянул на лампу и техника, назначенного ему в качестве кира, как назначают наставника ученику.

— Да воплотится в силе и славе воля Высшего, — положенные для разделения частей вдох и выдох. — Пусть придет Завет его в землю Архаб, — вдох, выдох. — Да смогут увидеть жители земли Архаб благие картины жизни в законе Завета, — вдох, выдох. — Пусть же ради Высшей воли сойдутся масло и фитиль в готовности гореть.

— Построено верно. Теперь примени к действию, — техник пододвинул лампу ближе к Пророку.

— Да воплотится в силе и славе воля Высшего приходом Завета его в землю Архаб через явление людям земли той благих картин жизни в законе Его, пусть же для этого сойдётся нужное для горения лампы сей!

Яркий белый огонь вспыхнул в стеклянной трубке раньше, чем техник успел пошевелиться. Быстрое огниво осталось лежать рядом с лампой нетронутым.

— Хорошо, эдона Пророк. Однако молитва была не та, что ты возгласил по этапам. Снова, пожалуйста. Сперва по этапам. — техник задул пламя.

Пророк вздохнул, краем глаза уловив внимание всех людей, находящихся в стенокате.

— От нас всегда ждут усердия в служении. Значит, сперва по этапам. Ради воплощения Высшей воли. Да придет Завет его в землю Архаб. Пусть узрят там благо жизни в законе Завета. Да сойдётся нужное для огня, показывающего это благо,” — техник поморщился, но промолчал. — Ради воплощения Высшей воли да придёт Завет его в землю Архаб, пусть

узрят там благо жизни в законе Завета и да сойдётся нужное для огня, показывающего сие благо!

Огонь вспыхнул ещё ярче, чем в предыдущий раз и едва ли не раньше, чем была окончена молитва.

— Хорошо, эдона Пророк. Вообще-то требовалось подготовить топливо и горелку для зажигания... — техник встретился взглядом с Пророком. — Однако в целом годится. Теперь проверим улучшение фокусировки оптической части. Можно сразу молитву в применении к действию.

Откуда-то из-за кожуха двигателя донёлся короткий смешок.

— Всадники, вероятно Хаб-Элми! — голос Ниосата Кареши прозвучал одновременно с “Остановить движение!” Пророка и “Малый ход!” Бартеома. Все трое смотрели на отображающее стекло.

— Совл явно замечен, нет смысла отводить назад, — Кареши пробежал по кнопкам блока управления и зажал клавишу передачи команды. — Так... Во имя распространения воли Высшего по всем землям пусть же придёт с нами закон Завета в землю Архаб к народу Хаб-Элми, да увидим мы в несении Завета шаги ничейных ранее, чем они увидят наши, пусть взгляд сего устройства не отрывается от всадников этих!

Теперь совл двигался кругами, но стеклоглаз оставался направленным на отряд Хаб-Элми. Скиния тем временем выстроилась положенным образом — тягачи с телегой плотной линией позади стеноката, быстроходник позади, готовый к быстрому обходу с любой стороны. Стрелки у орудий были наготове, остальные люди походной службы спешно произносили молитвы над замками ружей и патронными сумками.

— Малым ходом вперёд! — скомандовал Бартеом и посмотрел на Пророка. Тот усмехнулся.

— Ты командуешь движением. У меня по привычке вырвалось. Намерение не по пути, эдона ниор-цев.

На картинке в отображающем стекле всадники столпились, размахивая руками и о чём-то переговариваясь. Потом один из них, явно старший, подал знак, и весь отряд начал удаляться.

— На каком расстоянии от нас сейчас совл?

— Около трёх тысяч шагов, эдона ниор-цев.

— И ещё шагов восемьсот до них. Двигай совла вслед за ними, сохраняя дистанцию, эдона Кареши. Прибавить ходу! — Шенай Бартеом крепче взялся за руль. — Это похоже на дозор по описаниям маскифов, так что сейчас они двигаются обратно к себе. Как увидим в стекле их границы, так и пора будет становиться рубежным лагерем.

Скиния, сохраняя строй, двигалась вслед за всадниками Хаб-Элми, набирая скорость.

Окраины оазиса Архаб показались в отображающем стекле только к закату. Совл к этому времени отдалился от идущей полным ходом скинии почти на пять тысяч шагов и топливо у него было на исходе. К моменту его возвращения и запуска другого совла к границам оазиса на пустыню уже опускались сумерки. Рубежный лагерь закончили обустроить уже потемну, при свете слабых фонарей, которые потом тоже погасили. Над особыми стеклоглазами, установленными на двух совлах, произносили заклинания, с помощью которых их светосила должна была ещё возрасти для ночного патрулирования.

В стенокате горела маленькая лампа, незаметная снаружи при опущенных шторах на

окнах и щелях прицелов.

— Итак, с рассветом быстроходник отвезет тебя на пару тысяч шагов в сторону. Ты пройдёшь ещё тысячу дальше пешком и оттуда двинешься к оазису. Дальше — твоя работа, Пророк. Твоё служение.

— Всё верно. Картинник и наборы для показа уже уложены в короб.

— Напомню, что наблюдение с совлов будет постоянным, сколько бы ни продлилось твоё пребывание у народа Хаб-Элми. Но являть мощь Высшей воли запрещено, пока не придёт пора для Высшего гнева.

— Всё это мне известно, эдона Бартеом. Я знаю, что земля Архаб богата и обильна, и даже низшие из народа Хаб-Элми живут не столь скверно, чтобы подчинение их закону Заветных само по себе несло им облегчение, то есть прямо следовало пути Высшего. Мне ведомо, что явление Высшей воли в гневе и мощи людей Завета будет праведным только в том случае, когда жители этой земли в гордыне своей прямо восстанут против пути Его. Например, если они надругаются над Пророком, посланным к ним, и изгонят его.

— Или убьют его. В этом случае гнев Высшего полной мерой падёт на них нашими руками, — ниор-цев говорил холодно и спокойно.

— Или убьют его. Эдона ниор-цев, нам надо ещё что-то уточнить? Если нет, то я собираюсь поспать. Подъем завтра очень ранний.

В предрассветных сумерках люди походной службы виделись темными силуэтами. Сеть, ограждающая лагерь, была уже убрана напротив быстроходника, вблизи которого уже собралось больше половины Молящихся скинии. Из стеноката высунулся дежурный управляющий совлом.

— По кругу чисто, отправляю по направлению выезда, — сказано было вполголоса, но для всех это прозвучало сигналом. Оглядываясь на звук двигателя в вышине, люди выстроились от стеноката до края прохода, открытого в сети.

Пророк стоял в стороне от остальных и смотрел туда, где небо начинало светлеть.

— Всё готово к отправлению, — он повернулся на голос Бартеома. — Дальше твои намерения и действия решат многое на нашем пути.

— Обычно ты не говоришь такими словами, эдона ниор-цев.

— Сейчас и не обычно, эдона Пророк. Скиния построена, не считая дежурных на постах.

— Очень хорошо, — Пророк повернулся и зашагал к быстроходнику. Шенай Бартеом обогнал его и встал в середине строя. Люди походной службы стихли и подтянулись. Стало уже достаточно светло, чтобы Пророк мог видеть лицо каждого. Он остановился перед строем.

— Люди походной службы! Мы пришли к земле Архаб. Вы знаете, к кому мы принесли скинию. Народ сей гордый и жестокосердный, берут они от земли одной рукой, от других же людей десятью, видят они в чужих людях пыль, в своих же камни. Они славят кумира, жрецы которого благословляют их мечи и богатство их царей. Народ Хаб-Элми не знает законов праведной жизни, они не ведают благодати без зла в руке своей. В исполнение воли Высшего наш путь в том, чтобы привести их под закон Завета. Наше намерение в том, чтобы они приняли это сердцем, умом или покорностью. Мы несём Завет!

— Завет в нас!

— Сейчас я отправляюсь в землю Архаб. Я скажу народу Хаб-Элми о воле Высшего и

законе Завета. Я покажу им благую и обильную жизнь принявших закон. Я расскажу им о гневe Высшего, который встречают восставшие против пути его. Я не дам им остаться теплохладными перед Высшим. Они остудят пламя своей гордыни либо воспылают безумным огнём против Его воли. Если они изберут путь ярости, то Высшая воля придёт к ним с вами, являя Его мощь и гнев.

Пророк обвёл взглядом строй походной службы. Первые лучи рассвета отразились в глазах замерших Молящихся. Он повысил голос.

— Пора начинать! Все мои намерения по пути, что открыла воля Высшего. Во всём, что я сделаю — я несу Завет!

— ЗАВЕТ В ТЕБЕ! — разнеслось над пустыней.

Пророк повернулся и вошёл в быстроходник. Несколько человек последовали за ним, остальные остались на месте, глядя вслед. Через минуту загремел двигатель и быстроходник выехал из лагеря, набирая скорость.

— Всем разойтись по местам! — голос Бартеома разогнал неподвижность людей походной службы. Быстро закрыли проход в сети, дежурные начали проверку техники, на свободном участке песка готовились к запуску совлы.

Быстроходник обогнул высокий бархан и скрылся из вида.

Архаб. Воинов не вкопать в землю

Сарда Бахруш, действующий медирит земли Архаб, с самого утра ожидал неприятностей. Вернее сказать, все в “созвездии шатров” были напряжены ещё с вечера, когда объезжавший ближайшие закраины десяток прискакал с рассказом о какой-то странной, неведомой штуке, кружившей в небе и следовавшей за десятком. Кабар-ашра, что вёл десяток, клялся Источником и даже Высоким Небом, что это кружившее и следовавшее не было птицей, хотя и немного смахивало на огромного орлафа. Выслушав его, медирит сразу отправил гонца в шатёр балая. Высочайший, да будет с ним голос Источника, немедля созвал ближний круг, приказав привести и десятника, видевшего неведомое.

Пока собирался ближний круг, медирит разослал помощников с приказом собрать свежие сведения о лошадях и горбанах на пастбищах, а также списки военного имущества на походных дворах. Роговой сигнал из шатра Высочайшего застал его отправляющим три десятка дежурной сотни дозором в ту сторону, где было встречено странное.

В шатре уже ждали избранные сотники — Кагир Фарухан, говорящий за четверых, Базарган Адинар, говорящий за семерых, Тархан Утэгэш и Митхад Фирун, говорящие каждый за троих. Возле них переминался с ноги на ногу кабар-ашра из патрульного десятка, медирит не знал его имени. Джэвэд Очивдат, течением Источника и согласием сотников названный балай всех Хаб-Элми, восседал на коврах между двух чаш с водой, набранной из сердца Источника. Позади каждой из чаш стоял Говорящий с Источником с большим кувшином в руках. Когда медирит вошёл в шатёр, Говорящие по знаку Высочайшего добавили в чаши воды из кувшинов, чтобы Сердце Источника коснулось вошедшего.

Сарда Бахруш не был последним, кого ожидали. В проёме с откинутым пологом появился Фуад Мардан с охалкой свитков. Хранитель памяти спешно занял своё место сбоку от балая, Говорящие снова плеснули воды из кувшинов в чаши. Джэвэд Очивдат махнул рукой стражникам у входа, и те опустили полог, оставив в шатре только свет двух ламп, висящих над чашами.

— Да будет со мной голос Источника. Да будет Сердце его со всеми вами, — начал Высочайший.

— Да будет так, — отозвались все.

— Наши воины, объезжавшие закраины нашей земли, видели странное. Подойди!

Кабар-ашра вышел на середину шатра и поклонился балаю.

— Назовись и рассказывай.

— Я Джархат из рода Сиявуш, я командую десятком в сотне Дэры Ургара. Сегодня я вёл свой десяток по закраинам нашей земли в стороне заката. В середине нашего пути я увидел в небе летящую... — десятник замешкался. — Летящее неведомое. Оно было похоже на птицу, но это была не птица. Мои глаза видят хорошо, я знаю, какие бывают птицы. Это было больше самого крупного орлафа. У него были крылья, но оно ими не двигало. Оно летело к нам, потом стало летать кругами. Я повёл людей в сторону от наших границ, оно последовало за нами, оно было быстрее самой резвой лошади. Тогда я приказал возвращаться, чтобы скорее доложить об увиденном. Когда показался край земли Архаб, это отстало от нас и опять начало кружить. Это всё, Высочайший, — Джархат Сиявуш поклонился снова.

— Сарда! Ты расспросил остальных из десятка?

— Да, Высочайший. Они видели то же самое и не разглядели ничего более.

— Прошу прощения, Высочайший! Я вспомнил ещё! — прервал кабар-ашра. — От этого летящего гул шёл всё время. Похоже на шум воды, текущей в камнях, но другое. Еле слышно было, но гул был всё время, пока это не отстало. Ещё раз прошу прощения...

— Сведения о возможном враге — всегда заслуга. Я запомню тебя с благодарностью. Иди к своим людям и прикажи им пока помалкивать об увиденном, — по знаку балай один из Говорящих поднес десятнику чашу. Тот сделал глоток священной воды и вышел из шатра.

— Что-нибудь о подобном уже слышали? — балай обвел взглядом сотников. Те молчали, как и медирит. Хранитель памяти сосредоточенно перебирал свитки, не поднимая головы.

— Фуад!

— Ещё мгновение, Высочайший. Что-то было, было такое... — свитки мелькали в руках Хранителя, на миг разворачиваясь и скручиваясь обратно сухими листьями.

— Вот! О походе в Ормаход на Великой реке, — Фуад Мардан поднял глаза. — Местные жители рассказывали о приходящих по реке торговцах на лодках без вёсел и парусов, у которых взлетали неживые птицы. Про этих торговцев рассказывали много другого, и вовсе невероятного. Увы, только это, Высочайший. Записано со слов простых людей, все знатные там погибли.

— Земли далеко к закату, лодки без вёсел, неживые птицы... — задумчиво проговорил Джэвэд Очивдат. — Прямо сказы о демонах бесконечной пустыни...

— Мы спросим Сердце Источника, — отозвался Говорящий из-под покрывала, скрывающего его лицо, — Но мы не всегда получаем ответы, которые можем понять, Высочайший.

— Пока что я считаю, что это люди, которые умеют делать неведомое. Они могут быть сильны и опасны, а могут и только изображать сильных и опасных, — балай поднялся с ковров. — И они пришли к нам.

— Голос Источника с тобой, — ответил Сарда Бахруш. — Как нам готовиться к встрече?

— Дозоры в разные направления закатной стороны, прямо сейчас — поблизости, где ещё можно успеть дотемна, завтра с рассветом вдаль. Также с утра дозоры по всем остальным направлениям дальше закраин. Кагир! Из своих сотен выдели два-три десятка, если понадобятся медириту. Сотники! С утра начать сбор всех сотен с приведением в готовность и проверкой военного имущества.

— Дозоры к закату уже отправлены, Высочайший, проверка по пастбищам и походным дворам начата.

— Хорошо. Утром после возвращения и смены дозоров собрать всех сотников. Расходитесь. Завтра будем знать больше. Да будет с вами всеми Сердце Источника!

— Да будет с тобой его голос!

Сарда Бахруш почти не спал в эту ночь. Дотемна и ещё позже этого он отдавал приказы своим и чужим десятникам, выслушивал сбившихся с ног помощников и отправлял их с поручениями снова. За вечер и половину ночи он сделал всё возможное, чтобы подготовиться ко всему. И теперь с утра Сарда Бахруш, действующий медирит земли Архаб, ждал неприятностей. В этом ожидании он поднялся на холм, один из цепочки отгораживающих долину Источника от внешней части Архаба.

С холма открывался вид на пустыню за пределами благословенного оазиса, и здесь

всегда стояли дозорные. Сейчас это были люди из собственной сотни балая — вся дежурная сотня с утра отправилась разъездами. Один из дозорных пристально вглядывался куда-то высоко.

— Что там?

— Похоже на птицу, но не птица. Кружит на одном месте, не шевеля крыльями. Я уже послал доложить в шатры созвездия.

— Хорошо, — медирит подошел к другим дозорным. — На эту штуку глаза не тратить, осматривайте пустыню. Что угодно, что не каждый день видите — сразу доложить! Я вам оставлю своего шагерджинжа, — Сарда Бахруш махнул молодому парню, недавно вызванному в сотню с земли и только начавшему своё обучение. Тот был рад любому поручению, а оказаться в дозоре на холме и подавно.

— Почтенный медирит! — на холм взбежал гонец, явно не из воинов. — Почтенный Сарда Бах... Бахруш! — Шагерджинж, оставляемый с дозором, с явным презрением оглядел запыхавшегося “земляного”. — Говори внятно, ты среди воинов, — бросил он и тут же смолк под взглядом медирита.

— Что случилось?

— К Высочайшему... Уф. Почтенный медирит, тебя очень срочно зовут в шатёр Высочайшего. Послали в разные стороны всех... уф. Всех, кто под руку попался.

— Иду. Давай вперёд, доложи. Пошёл! — гонец подхватился и тяжелой трусцой побежал обратно с холма. Сарда Бахруш ещё раз бросил взгляд в сторону пустыни и последовал за ним.

Джэвэд Очивдат прохаживался возле своего шатра, сопровождаемый стражниками из собственной сотни. В стороне стояли избранные сотники. К балаю и сотникам подбегали гонцы и помощники с докладами, тут же убегая с новыми приказами.

— Сарда, — Высочайшего явно разбирало злое веселье, свойственное ему перед боем. Сарда Бахруш давно не видел балая таким. — Ходил посмотреть на неживых птичек?

— Да, Высочайший. Сам не увидел, но показали, где летают.

— Этих тварей видели разъезды и на полуночной стороне, и на полуденной. Ждём возвращения дальних дозоров с заката, может, они найдут их гнёздышко, — балай остановился. — Я приказал снарядить шесть сотен полностью и вывести по две вдоль закатного края Архаба. Хватит на шесть сотен готового имущества, медирит?

— На шесть хватит, Высочайший. И ещё на пару хватит, но это предел того, что можно снарядить сразу.

— Годится. Что слышно с земли?

— Я вчера послал помощников разболтать, что Высочайший хочет проверить готовность народа Хаб-Элми к внезапному приходу сильного врага. Сейчас в основном разговоры об этом, пока не разнеслось про неживых птиц.

— Добавь про объединение поселений вдоль Великой реки. Пусть шепнут про то, что если они наконец посмеют, мы встретим их на песке, разобьем и придём в их земли. Этого-то уже давно ждут... — балай хищно усмехнулся.

— Воистину голос Источника с тобой, — Сарда Бахруш поклонился. — Я отправлюсь распорядиться.

— Нет! Зови своих людей, приказывай отсюда. Ты нужен при мне.

В обход цепочки холмов по промежутку между пастбищами и огородами внешней части Архаба двигались всадники. Навстречу им с пастбищ во внутренний Архаб вели лошадей и

горбанов. Всадники орали на погонщиков, требуя освободить дорогу к границе и не мешать выполнять срочный приказ. Погонщики орали на всадников, требуя убраться с пути к походным дворам, куда их требует такой же срочный приказ. Толчея стояла невероятная, но половина всадников уже достигла места сбора на границе оазиса, а первых горбанов уже запрягали в рогатые колесницы у походных дворов.

— Выглядит суматошно, но годится, — теперь Джэвэд Очивдат прохаживался по вершине холма.

— Знать бы ещё, где и какой враг... — заметил Кагир Фарухан, две сотни которого как раз собирались на границе прямо напротив холма.

— Хочешь, чтоб всё было совсем легко и просто? — вздохнул Сарда Бахруш. — Я тоже хочу. Все мы хотим, я думаю. А пока ждём дальние дозоры.

— И пора уже отправить новые! — балай повернулся к одному из стражников. — Трёх десятников моей сотни ко мне! Первых, кого найдёшь.

— Голос Источника с тобой, — стражник бегом покинул холм.

— Вижу разьезды! — крикнул один из дозорных. — Один скачет от заката с полуднем, другой от полуночи с закатом.

Все на холме впились взглядом в пустыню, всматриваясь в возвращающихся всадников.

— Смотрите! — крикнул Митхад Фирун, — Десяток с полуночи везёт кого-то!

Действительно, у одного из всадников за спиной сидел чужой человек.

Человек в светлом плаще с красной каймой стоял в окружении воинов у подножия холма. Десятник бегом поднялся наверх.

— Я Ахмар Дерош, кабар-ашра в сотне Замира Габбаса, Высочайший. Я вёл свой десяток разьездом по пустыне к закату и полуночи от нашей земли. Мы вышли с рассветом и отъехав на шестую часть конного дня, заметили этого человека. Он шёл в сторону нашей земли и не пытался скрыться. Я спросил его, кто он, откуда и с чем идёт. Он назвал себя посланником людей завета в землю Архаб и сказал, что пришёл говорить с народом Хаб-Элми. Я приказал взять его на коня и привез сюда, как положено по обычаю.

— Ты всё сделал хорошо. Скажешь потом Замиру, что я благодарен тебе. Иди к своим людям и ждите с чужеземцем на месте, — балай повернулся к медириту и избранным сотникам. — Ждём остальных дозоров.

Один из посланных с утра разьездов уже достиг границы оазиса, два других виднелись вдалеке. В небе плавно кружила неживая птица. Чужеземец спокойно стоял и с интересом оглядывал всё вокруг.

Сарда Бахруш, медирит земли Архаб, продолжал ждать неприятностей. Его не покидала уверенность, что они ещё даже не начались.

В рубежном лагере люди походной службы закончили покрывать защитную сеть песчаной завесой как раз к возвращению быстроходника. Шенай Бартеом вышел из стеноката, как только проход в сети снова закрыли и стих шум двигателя.

— Эдона ниор-цев, — командир быстроходника ступил на песок. — Пророк отправился в путь, следуя плану. Если нет других приказов, я займусь проверкой и дозаправкой.

— Поставь наблюдателя на своё направление, эдона Сермин. Хорошо, что вы быстро вернулись — разьезды Хаб-Элми уже рыщут по пустыне.

— Так и сделаю, — Росанот Сермин опять исчез в быстроходнике. Шенай Бартеом услышал его приглушенный голос, отдающий приказы. Ниор-цев вернулся к стенокату и

заглянул внутрь.

— Что на стекле, эдона Кареши?

Старший управляющий совлами повернулся от блока управления. Его помощник шагнул ближе и уставился в отображающее стекло.

— Поднимаются по тревоге, как будто мы уже подходим для атаки. Небольшие отряды носятся по пустыне во всех направлениях, в оазисе уже несколько сотен готовы сражаться. Один из разъездов движется прямо навстречу Пророку.

— Эдона Кареши! — крик от блока управления заставил вздрогнуть обоих. — Эдона ниор-цев! Они окружили Пророка!

— Значит, дальше он поедет верхом, — спокойствие Бартеома удивило управляющих совлами. — Посланника приведут к царю, хотя бы чтоб спросить, что это над ними летает. Кстати, не забывайте об уклонении от их разъездов при возврате совлов и выводе других на смену. Хаб-Элми всё равно нас найдут, но лучше позже.

Шенай Бартеом отправил посыльного к быстроходнику с приказом после проверки больше не запускать двигатель и сел на пол стеноката, прислонившись спиной к кожуху двигателя. Всё необходимое было сделано, оставалось только ждать. Очень неприятная часть служения.

Поднявшиеся на холм десятники доложили, что ничего в пустыне не увидели, кроме ещё одной неживой птицы, которая улетела от них в сторону полудня и скрылась из вида.

— Посмотрим, что найдут следующие дозоры, — хмуро сказал Джэвэд Очивдат, отпустив отдохнуть вернувшихся.

— По крайней мере врагов поблизости нет, Высочайший.

— Верно. Пора поговорить с посланцем. Пусть здесь поставят шатёр. После этого распорядись привести его. И пошли за Говорящими с Источником!

Пророк медленно поднимался по склону холма. Воины следовали за ним в нескольких шагах. Запыленные халаты, подшитые кожей широкие штаны, жилистые руки на рукоятях клинков, сложновыгнутые луки за спиной — типичные пустынные всадники, вечный страх жителей оазисов. “Если только это не твои собственные воины,” — мысленно усмехнулся Пророк. — “Тогда это уже надежда, опора и гордость.” Гораздо внимательнее он рассмотрел собравшиеся на краю оазиса отряды и в особенности запряженные горбанами телеги с пешими воинами. “Для использования таких смешанных войск нужна отличная организация. Бартеом испишет кучу заметок, наблюдая с совла.”

Теперь Пророк уже подходил к вершине. Главного среди ожидавших его людей легко было распознать издалека, и дело было не в богато расшитом длинном халате и золочёной шапке, и даже не в том, как на него поглядывали приближенные. “Я говорю одному — приди, и он приходит, говорю другому — делай, и он делает,” — вспомнилось Пророку, и эти слова он мог прочесть на скуластом лице царя народа Хаб-Элми. “Высочайший, его именуют Высочайший.” Пророк поправил на плече ремень короба и размеренным шагом преодолел оставшееся расстояние.

— Во имя Высшей воли, услышать бы то, что будет говориться... — прервал Шенай Бартеом напряженное молчание, стоявшее в стенокате с момента, когда Пророка привезли в оазис.

— Да, хорошо бы, — отозвался Кареши. — Но на таком расстоянии это нереально, — он

тоже неотрывно смотрел в отображающее стекло. — Насколько я знаю, иногда Пророкам выдают устройство электросвязи, но не в этот раз.

Стеклоглаз совла, настроенный на максимальное приближение, показывал фигуру в плаще с красной каймой, твердым шагом поднимающуюся по склону холма.

— Я посланец народа Завета в землю Архаб. Приветствую тебя, Высочайший, правитель народа Хаб-Элми! — Пророк низко поклонился.

— Ты пришёл один? Народ, владеющий неживыми птицами, послал одного тебя, без охраны и помощи? — спросил широкоплечий темнолицый человек по правую руку Высочайшего. Сам царь Хаб-Элми молчал, вглядываясь в Пророка.

— Высшая воля ведёт меня. Завет, данный Высшим, моя опора. Нет мне нужды бояться когда я иду его путём.

— Я приветствую тебя в земле Архаб, чужеземец. Ты гость народа Хаб-Элми, обычай гостеприимства охраняет тебя здесь три дня. Скоро соберутся все, кто выслушает твои слова. Пока что пройди в шатёр, отдохни и прими наше угощение.

Пророк снова поклонился и вошёл в шатёр. Воины, сопровождавшие его, туда не последовали, но внутри вполне ожидаемо оказались другие стражники. Как только Пророк вошёл, человек с лицом, скрытым покрывалом, налил в чашу воды из кувшина, потом поднял чашу и подошёл навстречу.

— Примешь воду из Сердца Источника или предпочтёшь вино?

— Чистая вода — лучшее, что возможно после пути в пустыне, — Пророк принял чашу, поднесенную к его губам, отпил воды и с легким поклоном вернул чашу явному жрецу. — Благодарю тебя.

— Что говорят в вашей земле о том, что чтят в других землях, чужеземец? — через покрывало не было видно лица говорившего.

— У нас мало говорят о том, кому поклоняются другие, — Пророк улыбнулся. — Высшую волю несём только мы, несущие Завет, никому другому мы этого не передаём.

Жрец молча отошёл назад, поставил чашу на место и сохранял молчание до того времени, когда в шатёр вошло сразу много людей, и Высочайший впереди всех.

Балай народа Хаб-Элми занял место возле чаши со священной водой. Говорящий с Источником поставил вторую чашу с другой стороны. По правую руку от Высочайшего встал Сарда Бахруш, по левую расположились избранные сотники. Остальные сотники расположились по кругу вдоль стены шатра. Столик, около которого сидел чужеземный посланец, оказался в центре круга. Когда Джэвэд Очивдат опустился на свернутые ковры, чужеземец поднялся на ноги.

— Приветствую Высочайшего, правителя народа Хаб-Элми. Приветствую людей знатных и значительных в земле Архаб. Я пришёл к вам от людей Завета, из земли далеко к закату отсюда. Благодарю народ Хаб-Элми за гостеприимство.

— Приветствую посланца людей завета, кто бы они ни были, — балай прищурился, вглядываясь в чужеземца. — Говори то, с чем ты пришёл.

— Я пришёл рассказать о людях Завета, о нашей жизни, богатой и спокойной. Я пришёл рассказать о той жизни, которую приносит наш закон людям других земель. Я пришёл рассказать о благе, которое заключается в следовании Высшей воле. Я пришёл рассказать многое.

— Ты пришёл один через пустыню? — Сарда Бахруш не был доволен тем, что ответил

посланец на этот вопрос раньше.

— Я один пришёл говорить с вами. У моего народа волей Высшего есть средства и возможности пересекать реки и пустыни, есть способы смотреть сверху и делать многое другое. Но я пришёл к вам один и я буду один говорить.

Медирит решил не настаивать на более прямом ответе. Наверняка недалеко от оазиса есть ещё эти “люди завета”, и наверняка посланные разъезды их скоро обнаружат. И наверняка Высочайший заметил увёртливость чужеземца.

— Начни с рассказа о вашей земле и твоём народе, — балай сдвинул брови. — Остальное потом.

— Увожу совл в сторону, — полушепотом сказал управляющий, напряженно глядя в отображающее стекло. — Топлива уже немного, сейчас попробую добиться пониженного расхода. Он на мгновение прикрыл глаза и потом совсем шепотом забормотал молитву.

— Всадники в трехстах шагах к полуночи-восходу. Пока двигаются мимо, — также полушепотом доложил наблюдатель из смотровой башенки.

Песчаная завеса пока выручала, придавая рубежному лагерю за сетью и возвышающейся над ней верхней части стеноката вид бархана среди остальной пустыни. По крайней мере для взгляда издалека.

— Хорошо, — Шенай Бартеом почти не вслушивался в доклады, они проваливались сразу в ощущение поля боя. — Картинку наблюдения за Пророком не убирай с малого стекла.

— Сохраняю, эдона ниор-цев, — стеклоглаз совла показывал шатёр на холме и воинов вокруг него.

— Крутани быстро, глянем движения войск, потом обратно зацепи на шатёр.

— Делаю.

В стенокат заглянул помощник — доложить, что огнеискровые бомбы готовы. В случае нападения ничейных их следовало по возможности отогнать эффектными действиями и желательно без потерь. Однако пушки, скорострелы и ружья также были снаряжены и готовы к стрельбе.

Отряды Хаб-Элми по-прежнему стояли в готовности на краю оазиса. Из шатра на холме никто не появлялся. Ниор-цев Бартеом ждал, не отрываясь от отображающего стекла.

— Принявшие Завет издавна обрели право приносить Высшую волю в своих действиях. Многие, кто видели это, говорят о чудесах, неразумные говорят о колдовстве, но нет в этом ничего, кроме воли Высшего, доверенной малыми крупицами людям Завета ради блага их и прочих людей, согласных с законом,сообразным Завету. Я покажу вам жизнь в радости и достатке, приносимых людьми Завета и вместе с тем я покажу явление частицы Высшей воли. Высочайший, позволь мне сопроводить этим мой рассказ!

В глазах царя Хаб-Элми появился явный интерес, ожививший каменное выражение лица.

— Показывай, что хочешь. Мы посмотрим.

Пророк открыл короб и достал картинник. Расстояние от стола до стены шатра как раз хорошо подходило.

— Здесь у меня масло для лампы. Оно довольно плохо горит. Но я пришел сюда, следуя пути Высшей воли и если я верен этому пути, пламя будет должным. Прошу простить мне

незнание ваших обычаев и дел ваших жрецов. Пусть не обидой будет вопрос, могут ли они помочь загореться тому, что гореть не склонно.

— Говорящие с Источником не занимаются фокусами! — в голосе из-под покрывала слышался гнев. — Источник есть жизнь, он даёт силу в своём голосе и мудрость из своего Сердца. Вода из Сердца несёт благо земле и народу!

— Следуя Высшей воле, истинно говорю, что не несу зла вашей земле и народу! — Пророк открыл кожух картинника и снял верхнюю часть лампы. — Вот я налил половину масла. Влей же сюда столько же твоей священной воды, чтобы не могло тут быть ничего скверного!

Жрец подошёл с кувшином, приложил его ко лбу и затем медленно долил в ёмкость лампы воды до края. Теперь уже все в шатре смотрели на происходящее с нескрываемым любопытством. Пророк закрыл лампу и отошёл на пару шагов.

— Во исполнение Высшей воли пусть придёт со мной Завет в землю Архаб, чтобы могли увидеть благо жизни в праведном законе, да возгорится здесь огонь, несущий свет!

Лампа вспыхнула белым пламенем, осветившим весь шатёр подобно свету дня. Обведя взглядом замерших в изумлении людей, Пророк закрыл кожух картинника. В воцарившемся полумраке он повернул световую часть к стене шатра.

— Исполняя Высшую волю несением Завета его в землю сию, прошу для показа жизни во благе верно собрать лучи в стеклах, — он открыл заслонку. Панорама полей Мци-Хабрит с работающими тягачами на первом плане и множеством домов вдалеке засветилась на стене с яркостью и четкостью вида в окне.

— Это жизнь на моей родной земле. Я когда-то жил в одном из таких домов. Когда я был юн, я приводил в движение одну из этих машин, с помощью которых сотня людей может обработать всё это поле, и вон то соседнее тоже...

— Интересно, отыщут ли нас раньше, чем они выйдут из этого шатра... — старший управляющий совлами сел к блоку управления. Шенай Бартеом коротко глянул на него.

— Так или иначе, найдут раньше, чем там назреет решающий момент. Уже дважды проезжали неподалёку.

Снаружи стеноката послышался нарастающий шум двигателя. Совл заходил на посадку в рубежный лагерь.

— Да, эта большая лодка идёт без вёсел и парусов, и тянет за собой другие. Для этого требуется постоянно добавлять к её устройству крупницы воли Высшего, и люди Завета делают это, принося благо и процветание тем, кто принял наш закон. Разумеется, и нам это несёт пользу, — Пророк улыбнулся, оглядев смотрящих и слушающих. — Часть нашего достатка — это часть достатка принявших закон, мы же делаем так, чтоб достаток приумножился.

Кабар-ашра Джаргал Инсар прищурился, глядя в направлении, показанном одним из его воинов.

— Похоже... молодец, зоркий! — десятник махнул рукой. — Все за мной, проскачем вблизи, прямо туда не глядеть! Если что случится, ты сразу летишь к границе, запоминая направление. Иии... алга!

— Принявшие закон получают нашу помощь в защите от любых врагов. Восставшие силой и злобой против принявших закон встречают гнев Высшего, приносимый людьми

Завета, хотя и не радуемся мы, совершая это. Любая же земля, где воцаряются радость, благо и спокойствие, пребывает на пути Высшей воли.

— Ты много рассказал и показал, посланец, — Высочайший поднялся с ковров. Сотники встряхнулись, будто очнувшись от сна наяву. — Мы ещё будем с тобой говорить. Сейчас тебя отведут в дом, где ты будешь жить, пользуясь гостеприимством земли Архаб.

Пророк поклонился и быстро собрал картинник в короб.

— Медирит проводит тебя.

— Он вышел! — вокруг Бартеома и Кареши мгновенно оказались все Молящиеся, что были в стенокате. Управляющий совлом перевёл картинку на основное стекло.

— Приблизить! — Пророк, идущий от шатра в сопровождении явно кого-то знатного и нескольких воинов, занял половину отображающего стекла. Он задумчиво потеревил подбородок, затем поднял указательный палец, затем раскрыл ладонь и пару раз крутанул запястьем.

— Так. Неплохо, — ниор-цев обернулся к столпившимся за спиной людям. — По местам! Нас наверняка обнаружили те последние всадники, что проскакали поблизости.

Пророк спустился с холма и теперь его вели в сторону нескольких хижин у края пастбища. До того на середине склона он повторил те же жесты рукой. Бартеом подчеркнул отмеченное на листке. Первый разговор с ничейными прошел приемлемо, будут следующие.

— Если мы будем держать в воздухе двух совлов, одного над Пророком, а другого между нами и Архабом, надолго хватит топлива, эдона Кареши?

— Наши намерения явно соответствуют пути, эдона ниор-цев. Молитвы на уменьшение расхода получают ответ; если так и будет, то половины запаса легкого масла хватит на полёты двух совлов днём и ночью... — старший управляющий сверился с карманной связкой. — Хм, дней на дюжину точно. Тогда в долине Альвикан после запроса Пророка нам ещё пару лишних бочек выдали.

— Хорошо. Не забудь, что на следующие запускаемые надо ставить ночные стеклоглазы.

Ниосат Кареши кивнул. Солнце уже явно клонилось к закату.

Сарда Бахруш подошёл к шатру на холме. “Тебя ждут”, — указал ему на вход стражник. Из шатра ничего не было слышно. Медирит вошёл.

— Чужеземный посланник в хижине. Еду и воду ему принесут, стража оставлена, — доложил он балаю.

— Годится, — ответил Джэвэд Очивдат, почти не слушая. — Теперь все в сборе. Что скажете? — он оперся подбородком на кулак правой руки.

Говорящий с Источником вышел вперёд.

— Сердце Источника чувствует опасность. Эти чужаки готовы остановить течение воды или направить его по своему желанию.

— Демоны пустыни?

— Нет, Высочайший. Вода из Сердца показала бы присутствие демонов. И чужеземец не был бы спокоен, касаясь священной воды.

— Что ты скажешь о той высшей воле, которую он через слово поминал?

— У разных племён есть свои покровители. Никому доселе они не помогли сдержать силу Хаб-Элми, как никто доселе не прекращал течения воды. Но сейчас к нам пришло

особое и опасное. Сердце Источника опасается того, что несут эти люди.

Для этого не требовалось спрашивать Источник, подумал Сарда Бахруш, вслух же сказал:

— Этот посланец спокоен и уверен. Он ведёт себя так, как будто всё уже решено так, как ему нужно.

— Наглый болтун, — проворчал кто-то из сотников.

— Он наговорил много о телегах и лодках, которые двигаются сами по себе, и ещё кучу всякого, но ни слова об оружии, — задумчиво заметил Базарган Адинар. — А ведь не может быть, чтоб оно у них было простое.

— Верно, избранный сотник, — балай криво усмехнулся. — Неизвестная сила всегда больше. И что скверно, мы едва ли можем их разбить даже собрав все наши силы.

Никогда раньше такие слова не говорились названным балаем всех Хаб-Элми. Никогда раньше сотники так не желали оспорить слова Высочайшего. И редко когда сотники бывали столь единодушно с ним согласны.

— И что тоже скверно, Высочайший, раз уж они к нам пришли, едва ли они просто уйдут.

— Да унеси тебя песок, Сарда! Скажи мне что-то кроме того, что и без тебя ясно! — Джэвэд Очивдат вскочил и потряс сжатыми кулаками.

— Голос Источника с тобой, Высочайший. Мы же только прислушиваемся к его Сердцу. Взгляд балая пылал огнём.

— Не принижай себя и свой ум, медирит земли Архаб! Я жажду гибели всех этих людей завета и вижу, что они могут принести гибель всем воинам Хаб-Элми!

Сарда Бахруш предпочёл бы сейчас идти в атаку на десятикратно превосходящего врага. По лицам сотников было понятно, что они бы к нему в этом присоединились.

— Нужны другие пути. Завтра утром, прежде чем мы снова призовём для разговора этого чужеземца, я жду каждого из вас, кто найдёт, что сказать мне.

Совл скользнул невысоко над пустыней, издавая негромкий шум двигателя на холостых оборотах, резко взвыл над сетью, теряя скорость, и опустился на песок между небольших фонарей, расставленных на свободном месте среди тягачей и телег. К нему сразу подбежали двое из походной службы с ящиком инструментов. Помимо обычного обслуживания, требовалось разобраться с приводом стеклоглаза, который время от времени заедал и двигался рывками.

— Поставьте ночной глаз на другого, — по приказу Кареши ещё несколько Молящихся занялись стоящим в стороне от фонарей совлом. — А с этим когда закончите, поставьте на телегу и прикройте. На песке держать только запускаемые, — старший управляющий вернулся в стенокат.

— Теперь они за нами тоже наблюдают, — Бартеом показал на отображающее стекло. — Группа всадников за тем барханом, один дежурит наверху. И цепочка на расстоянии видимости от этих и до края оазиса.

— И большие отряды на краю оазиса по-прежнему в готовности, — добавил Росанот Сермин. Командир быстроходника только что закончил проверку готовности к бою и распорядился принести из запасов ещё дюжину огнеискровых бомб. — Боюсь, что этих заградительным не остановить, по ним придётся, если что, сразу на поражение и уповать на Высшую волю, чтобы этого хватило.

Ниор-цев промолчал, будучи согласен со сказанным. Он уже прикидывал варианты действий, если Хаб-Элми решат напасть всеми силами на скинию. Получалось очень много крови и неизбежная война людей Завета с Архабом. Война, которая не будет защитой Мци-Хабрит. Война, которая начнётся с прихода скинии. “Те, кто поднялся против пути Высшего в жажде крови, будут пить из чаши гнева Его,” — говорилось ясно, но сейчас Шенай Бартеом не ощущал этой ясности.

В отображающем стекле была видна хижина, где на ночь расположился Пророк.

Пророк ещё раз посмотрел в тёмное небо, усыпанное звёздами. Разглядеть совла, ведущего наблюдение, не получилось, впрочем, этого он и не ожидал. Но можно было не сомневаться, что совл там, и непременно будет неподалёку, когда завтра Пророк снова пойдёт говорить с царём и знатью Архаба.

Они не видят пути Высшей воли, думал Пророк, как не видели и другие, к которым приходили скинии. Путь проявляется в намерениях людей Завета, а намерения понимаются не в первых действиях. Всегда в нас сперва видят покорителей, и часто сперва приходится действовать сродни покорителям — так понятнее для ничейных. Но эти-то сами покорители, и что самое скверное, у них это основа жизни. С другой стороны, большинство всё равно на земле работает, и содержать эту военную мощь для них может быть тяжело... Тогда нужно говорить с людьми на земле.

Пророк попытался прикинуть слова для простых людей. Слова не складывались и получались совершенно неубедительны для него самого. Он задумался и вспомнил то, что заметил, проходя мимо огромных огородов, пастбищ и хижин. Работавшие повсюду люди уступали дорогу всадникам и смотрели на них... Смотрели с завистью и надеждой. Предлагать им простую мирную жизнь...

Пророк застыл посреди хижины.

“Я не могу решить, что делать и как говорить. Что мне делать?”

Пророк опустил на колени и прикоснулся ко лбу, как трогал днём лампу картинника.

“Волю твою не могу понять я, путь твой сокрылся туманом от меня, что следует делать мне, не вижу и нога моя ступает нетвёрдо. Воле твоей нет предела, рука твоя развеивает туман и проливает свет. Слово твоё укрепляет шаги мои, дуновение твоё делает ясным разум. Истина твоя воцаряется во всём, что дано мне.”

Пророк поднялся. У него больше не было слов в голове. И не стало страха.

Сарда Бахруш с самого утра принимал доклады с пастбищ и походных дворов. Подготовка всех сил, которые только можно снарядить, шла вовсю. Правду сказать, медирит не видел смысла в этой подготовке, особенно теперь, когда лагерь чужаков был обнаружен и стало известно, что там меньше сотни человек. Если с ними не справятся шесть сотен, то не справятся и все остальные.

Доклады помощников, слушавших разговоры людей с земли, подтвердили очевидное — о чужеземцах уже все знают, и разбегаются слухи о том, чего они хотят. Этот вопрос мучил и медирита. Понятное дело, что копытных из оазисов или водоходов, живущих на Великой реке, эти “заветные” легко подмяли под себя. Для них ничего не изменилось, а с этими “тягачами”, которые показывал чужеземец, они стали куда лучше копать в земле и ходить караванами. И что теперь он предложит нам, думал Сарда Бахруш, сесть на землю? Вряд ли они усилят наши сотни своим оружием и сказочными самоходными повозками, чтобы мы ходили в походы во славу их “высшего”.

Мы можем истребить их лагерь, думал Сарда Бахруш, но стоит им явиться в полной силе, и настанет последняя битва. Он представил себе множество самодвижущихся повозок с непробиваемыми стенами, извергающих... тучи стрел? пламя? гром и молнии? В любом случае Архаб превратится в землю гибели.

Почему-то эта картина виделась медириту неправдоподобной. Слишком много этот чужеземец говорил про благополучие и выгоду, не выглядели эти “заветные” воинами при всей их силе. “Может, если они поймут, что для покорения Хаб-Элми нужно воевать со всеми нами до последнего человека, они отступятся от нас?”

— У тебя есть что сказать, Сарда? — Балай выглядел мрачно. — Кроме десятого плана того, как истребить этих чужаков в их лагере.

— Высочайший, я думал о другом, — меридит оглянулся на сконфуженных избранных сотников. — Я думал о том, что эти “заветные”, хоть и сильны, но не больше чем купцы, и они непременно будут считать выгоду. А что они могут получить от земли воинов, где никто им не покорится?

Джэвэд Очивдат задумался. На лице его появилась злая улыбка.

— Хха! А ведь верно. Купцы, считающие выгоду, уступят воинам, готовым сражаться до конца. Пусть этот говорливый чужеземец увидит, к кому он пришёл.

Балай усмехнулся ещё шире.

— Пусть он увидит, что здесь никто не хочет быть дон мхарб. Что нет позора для семьи Хаб-Элми больше, чем не иметь в семье воина.

— Голос источника с тобой, Высочайший. Сегодня мы покажем чужеземцу нашу жизнь. Пусть он увидит, как отбирают новых воинов в наши сотни.

— Ты опять не разочаровал меня, медирит. Объявляй имоа мхарпин! Пусть придут семьи, имеющие право воина, и пусть придут некоторые семьи дон мхарб. У них появится возможность получить место в сотне, и пусть чужеземец посмотрит, что это значит!

Когда Сарда Бахруш подошёл к хижине, Пророк уже ждал на пороге. В небе был хорошо виден описывающий большие круги совл.

— Хорошее дополнение к твоим рассказам, посланник, — улыбнулся медирит. — Особенно когда эти неживые птицы садятся прямо за оградой вашего лагеря, а другие оттуда взлетают.

— На пути Высшей воли все действия ведут к цели. Вы искали понимания нашей силы и нашли свидетельство правдивости моих речей, — улыбнулся в ответ Пророк. — Я рад видеть мудрого советника царя народа Хаб-Элми.

— Я покажу тебе нашу землю, посланник заветных, — Сарда Бахруш указал Пророку на лёгкую колесницу, запряжённую двумя лошадьми, — Потом ты увидишь праздник имоа мхарпин. И после этого ты снова будешь говорить с Высочайшим.

Колесница катилась между двумя пастбищами. По одному из бродили многочисленные лошади, на другом же флегматично стояли, пережевывая траву, большие горбаны.

— Я не большой знаток что тех, что этих животных, — сказал Пророк. — Но на мой взгляд они очень хороши. Думаю, немало труда и умения требуется, чтобы растить такие стада.

— Да, и требуется их всё больше. Как видишь, в благодатном Архабе много людей, а эти лошади и горбаны всех нас кормят.

Воин, ехавший на одной из запряжённых в колесницу лошадей, обернулся и хохотнул, подмигнув медириту.

— О да! Они точно нас кормят! — воин помахал пастухам, обходившим горбанов. Те помахали в ответ, один из них свистнул, сверкнув зубами.

На равнине, отделенной холмами от внешней части Архаба, как раз у холма, на котором стоял шатёр, собралось множество людей. У самого подножия холма столпились разнообразно одетые люди, напротив них выстроились всадники. Колесница с Пророком остановилась сбоку, откуда всё было хорошо видно. Присмотревшись к всадникам, тот узнал многих из тех, перед кем он вчера вёл речь в шатре.

— Имоа мхарпин, посланник заветных, — сказал медирит. — Выбор воинов. Видишь тех людей у холма? Это люди с земли, из семей, имеющих незанятое право на место воина.

— Незанятое право?

— Да. Когда воин, взятый из семьи, умирает или становится совсем стар, семья посылает на его место другого мужчину.

Люди у холма выглядели радостно, заметил Пророк. Потом он заметил бегущих к месту собрания бедно одетых людей, лица которых буквально светились. Вновь прибывшие встали у подножия холма поодаль от ранее пришедших.

— А это кто?

— Это дон мхарб. Люди из семей, у которых нет права на место воина. У них нет доли в военной добыче. Они могут только ковыряться в земле и надеяться на удачу или ловкость лучших из них, когда наступит очередной имоа мхарпин, как сегодня.

Из глубины внутреннего Архаба мчался всадник. Пророк понял, кто это, раньше чем смог разглядеть. Высочайший осадил коня в середине линии всадников, расступившихся перед ним в последний момент.

— Пусть будет с вами Сердце Источника! — крикнул он.

— Голос Источника с тобой! — нестройным хором ответили всадники.

— Голос Источника с тобой! — эхом отозвались люди у холма.

Выходит, что почти все Хаб-Элми связаны родством с воинами и живут хотя бы частью от их добычи, думал Пророк. А те, кто этой связи лишён, из кожи вон лезет, чтобы хоть кто-то из семьи стал воином. Целый народ, живущий вокруг набегов и походов...

— Род Ервэх! Ваш воин Айрат погиб в походе весной. Для вашего рода есть место в сотне Бэхэта Шахроха! Назовите имя!

— Рузи Ервэх! — молодой парень выбежал из толпы на середину свободного места. Один из сотников махнул ему и новоназванный воин кинулся к своему командиру.

Род Максум! Ваш воин Дидар погиб в походе ранней весной, пал доблестно, покрыв себя славой. Для вашего рода есть место в сотне Сади Ятима и храбрость Дидара дарует роду Максум новое место в той же сотне! Назовите имена!

— Асах Максум! Садоф Максум! — двое выбежали на середину и по знаку сотника устремились к нему.

Новое место в войске, думал Пророк, лишняя доля в добыче для семьи, наверняка и доля почёта. Всё в этой земле стекается к войску...

Выкликание новых воинов прекратилось. Высочайший выехал на середину.

— Настало время, которого так ждали эти презренные, — негромко сказал Сарда Бахруш, указав на отдельно стоящих людей.

— Вы, семьи дон мхарб, не имеющие мест ни в одной сотне! Сегодня день вашей удачи! Сегодня день удачи для тех, кто сможет её взять! — возгласил Высочайший. Царь народа Хаб-Элми указал на одиночное дерево в паре сотен шагов от строя сотников. Пророк

присмотрелся и увидел пять мечей, воткнутых в землю у корней дерева.

— Желаящий добыть место воина своей семье должен с одним из этих мечей встать в строй, — пояснил медирит.

Рука Высочайшего поднялась и резко упала вниз. Дон мхарб с криком рванулись в сторону дерева с мечами.

— Каждая семья дон мхарб, допущенная сюда, выставляет одного человека, — медирит пояснял всё так же спокойно и безмятежно, глядя вслед бегущим. Один из них, вырвавшись вперёд, уже почти достиг дерева. — Тут решает не только быстрота или сила. Любопытно, сообразит ли он... Нет.

Первый из бегущих схватил меч и немедля бросился обратно. Ему наперерез метнулись сразу четверо, один получил удар по руке и отпрянул с криком, но второй врезался плечом в грудь, и остальные вцепились в руку с мечом. К ним прибавились ещё несколько и началась свалка.

Следующий добежавший до мечей схватил оружие, отскочил в сторону... и остановился. Следом мечи схватили ещё двое и бросив взгляд на него, присоединились. Дождаться ещё одного эти трое не стали — следом летела сплошная толпа. Трое с мечами бросились по дуге в обход толпы, яростно махая клинками в сторону оказавшихся близко.

— Вот так, — заметил Сарда Бахруш. — Эти годятся в воины.

За последний меч завязалась отчаянная драка прямо у дерева.

— А тут уже кому повезёт. Никогда не известно, где именно пробьёт дорогу вода, но течение всегда находит себе путь.

Трое отбились от нескольких нападений, оставив за собой двоих окровавленных претендентов, и успешно достигли строя сотников. Из одной из свалок вдруг вынырнул человек с мечом и стрелой понёсся туда же. Упустившие его бросились к продолжавшейся драке у дерева, по пути сцепляясь с не сумевшими остановить тройку уже выигравших. Последний победитель выявлялся долго.

В отображающем стекле был ясно виден застывший на колеснице Пророк, но все в стенокате смотрели на происходящее дальше, между строем всадников и холмом. Когда пятый человек с мечом добежал до строя, разрубив по пути голову одному из тех, с кем вместе пришёл, Шенай Бартеом прервал молчание.

— Хорошо, что у нас отбор в походную службу проводится не так. Я бы не попал в служение.

— Это всё же ближе к нашим бойцам деревом и железом из простодушных, эдона ниорцев, — возразил Ниосат Кареши. — Но ты прав, очень жестоко...

— Жестокости я не удивлён, чего и ждать от ничейных. Но как они стремятся в войско, и как работающие на земле смотрят на воинов — обратил внимание, эдона Кареши?

Ниорцев оглянулся на остальных в стенокате. Люди походной службы вернулись по постам и занялись проверками оружия с непритворным усердием.

Что же сможет им предложить Пророк, думал Бартеом, этому народу, где все хотят быть причастны к военным походам? Чем может им понравиться мирная жизнь, пусть и богатая? А если они останутся теми, кто они сейчас, может ли это следовать пути Высшего?

Он посмотрел на малое стекло блока управления. Судя по тому, что показывал ближний совл, примерно в тысяче шагов от рубежного лагеря расположился большой отряд Хаб-Элми, примерно пара сотен людей. Четыре повозки, оцетинившиеся короткими копьями, и

множество всадников.

— Борта на телегах поставлены?

— Да, эдона ниор-цев.

— Натяните верх.

В шатре на холме было жарко. Пророк пил воду, которую ему подливали в чашу из большого кувшина и пробовал понемногу с разных блюд на столе. Разнообразие еды впечатляло, судя по сегодняшней поездке, лишь малая часть поданного была местной.

— Добыто в походах? — он посмотрел на медирита.

— И куплено у торговцев, — Сарда Бахруш усмехнулся. — В обмен на добытое в походах. Караваны к нам ходят часто.

— Из земель, до которых не доходят ваши отряды? — усмехнулся в ответ Пророк.

— В основном да. Хотя некоторые, до кого мы доходим, договариваются миром, платя дань. От них тоже бывают караваны.

В шатёр начали входить сотники, оживленно переговариваясь между собой. На Пророка они лишь бросали взгляды искоса, не уделяя ему особого внимания.

— Имоа мхарпин — всегда большой день для нас, посланец заветных. Для всех Хаб-Элми, как ты видел.

— А откуда берутся эти дон мхарб, чьи дети сегодня так яростно дрались друг с другом? Для этих семей когда-то не нашлось места в войске?

— Свитками ведаёт Хранитель памяти, он знает вернее. Но о некоторых семьях знаю и я: они потеряли право на место в сотне в наказание за тяжкий проступок своих воинов. Труса плетью гонят в пустыню, пока он может двигаться. Утаившего дорожную добычу отправляют к рабам в рудники. Вору отрубают руку и отправляют на пастбища. Место изгнанного из войска у его родных отбирается и они становятся презренными дон мхарб. Как дон мхарб могут подняться обратно, ты видел сегодня.

В шатер стремительно вошёл Высочайший. Пророк поднялся и поклонился ему.

— Ты посмотрел на нашу жизнь, посланец заветных, — балай прошел вглубь шатра и сел на ковры. — Ты увидел сегодня народ Хаб-Элми, — по движению руки Высочайшего все в шатре смолкли. — Вчера ты рассказал о силе и богатстве твоего народа. Сегодня скажи, что предлагают нам пославшие тебя.

Пророк снова поклонился.

— А картинки покажешь? — крикнул кто-то из сотников. — Красивые картинки! — среди сотников прокатился смех.

— Картинки были о силе и богатстве моего народа. Как сказал Высочайший, я говорил об этом вчера. А то устройство, с помощью которого я их показывал, само собой говорит о том, что даёт моему народу следование Высшей воле.

— То, что можно разглядеть в вашем лагере, тоже о многом говорит, — заметил балай. — И ваши неживые птицы, — он остро посмотрел в глаза Пророка. — Вы впрямь умеете и можете много, и я вновь спрашиваю — чего вы хотите от народа Хаб-Элми и что предлагаете?

Пророк вспомнил, как накануне ночью не мог собрать слова. Следом он вспомнил и свою молитву, и пришедшее вслед за ней спокойствие. “Слово твоё укрепляет шаги мои, дуновение твоё делает ясным разум. Истина твоя воцаряется во всём, что дано мне,” — прошептал он одними губами.

— Я увидел гордость и силу народа Хаб-Элми. Они достойны славы и приносят страх. Едва ли найдётся народ, что силой рук своих и твердостью духа своего сможет прервать движение ваших сотен. И без сомнения, если царь земли Архаб пожелает, то и лагерь моего народа падёт перед его воинами. — Пророк посмотрел в глаза Высочайшему. — Сколько воинов для этого потребуется?

— На твоих картинках мы видели многое, но ничего о вашем оружии. Однако оно наверняка не хуже всех этих движущихся повозок и неживых птиц, — балай прищурился. — Если мы начнём бой, то пять сотен сметут вас всех, и не менее сотни при этом погибнет.

— Не оспорю твоих слов, Высочайший. Мой народ — не воины, подобные Хаб-Элми, но нужно впятеро больше ваших бесстрашных воинов, чтобы одолеть наш небольшой лагерь. Такова сила следования Высшей воле. Так отвечает Высший на молитвы людей Завета. Так Он даёт простой и понятный знак моему народу и всем, кому мы приносим законы мира и спокойствия, — голос Пророка заполнил шатёр. — Мы не воины, но нужно впятеро воинов, чтобы одолеть малую горсть нас. Мы предлагаем мирную жизнь и достаток, который не собрать никакой силой, и на этом пути Высший с нами в нашем намерении, и что Он даёт нам, то получают и те, кто принимает Закон.

— Ты предлагаешь народу Хаб-Элми принять ваш закон? Ты хочешь, чтобы земля Архаб покорилась твоему народу? — голос Высочайшего рассёк речь Пророка. — Не слишком ли много вы хотите получить от тех, кого не победили? — возгласы сотников поддержали его эхом.

— Мы не покоряем других, как это принято среди берущих силой, — Пророк не опустил взгляда. — Мы не меняем правителей, мы не говорим ‘иди туда’ или ‘делай это’, мы не требуем от принявших Закон ничего кроме мирной жизни. Мы не возьмём дани, только плату за помощь в том, что потребуется принявшим Закон. А помочь мы можем во многом, Высшая воля тому источник, из которого мы черпаем полной мерой.

В отображающем стекле картинка казалась застывшей: большой шатёр на холме, окруженный неподвижно стоящими воинами. Всадники вокруг телег, которых время от времени показывал в малом стекле стеклоглаз совла, кружащего вблизи рубежного лагеря, не были столь неподвижны, но на них Шенай Бартеом почти не обращал внимания. Всадники, кружившие сейчас вокруг лагеря, занимали всё внимание наблюдателей на постах, но ими ниор-цев тоже не интересовался.

— В очередной раз сожалею, что у Пророка нет с собой устройства электросвязи... — пробормотал он, вглядываясь в неизменную картинку шатра на холме.

— Есть разработка устройства, совмещенного с картинником, но в Кодексе сомневаются в использовании молитв для установки связи среди ничейных, — заметил Ниосат Кареши. — Однако Пророк мог бы докладывать, хотя бы оказавшись в уединении...

— Скинический совет считает, что Пророк должен отправляться один и выполнять своё служение без оглядки на рубежный лагерь, — Бартеом по-прежнему смотрел в отображающее стекло. — Кстати, эдона Кареши, удалось наладить дальнюю электросвязь через совла?

— Да, эдона Бартеом. Отправлено сообщение с твоим докладом. Получено подтверждение, пока больше ничего. Скоро смена совла для ближнего дозора, когда поднимется следующий, отправлю запрос на сообщения для нас.

— Хорошо. Эти ничейные поблизости продолжают кружить? — ниор-цев повернулся к

наблюдателю в смотровой башенке.

— Да, без изменений. Время от времени прибывает всадник из отряда, сменяет одного из них, тот возвращается к отряду, вероятно, с докладом.

— А от отряда регулярно отправляются в оазис, — добавил Кареши.

— Распорядись поставить на четыре совла скорострелы и подвесить огненные снаряды, эдона Кареши.

— Скорострелы уже стоят на всех совлах, эдона ниор-цев. Огненные снаряды на четырёх, из которых сменяется ближний дозор, и на взлетающем с места, что на быстроходнике.

Всадники Хаб-Элми продолжали скакать вокруг рубежного лагеря, время от времени приближаясь вплотную к защитной сети.

Джэвэд Очивдат встал и несколько мгновений его взгляд жёг глаза смолкнувшего посланника. Затем названный балай всех Хаб-Элми обвёл взглядом избранных сотников. Кагир Фарухан еле сдерживает ярость, Базарган Адинар явно в недоумении, Тархан Утэгэш как всегда, невозмутим, Митхад Фирун просто ждёт слова балая, не пытаясь что-то обдумывать. Хранитель памяти перебирает свитки, не поднимая глаз. Сарда Бахруш глядит с пониманием и намёком.

— Ты сказал достаточно, посланник заветных. Теперь слушай меня. Я говорю от всех воинов земли Архаб, от всего народа Хаб-Элми, говорю от Сердца Источника!

— Голос Источника с тобой! — Говорящие с Источником подняли вверх кувшины.

— Архаб — земля воинов. Ты можешь договориться с воинами, если у тебя есть богатство, ты можешь угрожать воинам силой, если у тебя её довольно, но ты не можешь вкопать воинов в землю иначе как мёртвыми.

— Голос Источника с тобой! — выкрикнули сотники.

— Если заветные хотят, чтобы сотни Хаб-Элми не ходили в их земли — мы можем на это согласиться. Если вы хотите, чтобы наши сотни не ходили в земли принявших ваш закон — мы можем об этом говорить. Но о том, чтобы мы приняли ваш закон, мы говорить не будем! Вы не прервёте течение Источника, вы не сделаете из нас дон мхарб. Ваш закон мы не примем!

Высочайший опустил на ковры.

— Иди, посланник. Обычай гостеприимства охраняет тебя сегодня и завтра. Если ты уйдёшь до завтрашней ночи, тебя проводят до лагеря твоих людей и не помешают вам всем уйти прочь. Если у тебя найдутся другие слова для нас, дай знать об этом до утра.

Взывающий

— Он выходит! — в отображающее стекло сейчас смотрели все находящиеся в стенкоте, кроме наблюдателя в башенке.

— Эдона Кареши, покажи путь с холма к хижине, — бросил Бартеом. Старший управляющий совлами пробежался пальцами по блоку управления. Стеклоглаз совла выхватил тропинку с холма и толпу внизу. Несколько воинов явно сдерживали кричащих людей.

— Совлы с огненными снарядами к взлёту! Ходовая готовность всем!

Картинка в отображающем стекле показала Пророка, спускающегося с холма в сопровождении двух воинов. Они приближались к беснующейся толпе.

— Быстроходник готов к выходу! Первый и второй тягачи готовы!

Толпа расступилась перед Пророком. Люди размахивали руками и что-то кричали, но не пытались прорваться мимо воинов, удерживавших их на расстоянии.

— Покажи дорогу дальше до хижины, — картинка в отображающем стекле уже поворачивалась и смещалась. Стеклоглаз совла показывал другие толпы людей, и каждую из них сдерживали воины.

— Отменить ходовую готовность. Боевую готовность сохранять для защиты. Совлов на телеги, — Шенай Бартеом отступил от блока управления совлами. Время явить Высший гнев пока не наступило.

“Убирайся прочь! Скажи своим дон мхарб, что мы не желаем быть как они! Воинов не вкопать в землю живыми! Презренный, беги к своим!” — крики сопровождали Пророка до самой хижины. Они не прекратились и после того, как он скрылся внутри: несколько воинов встали в паре десятков шагов, не подпуская толпу ближе, но и не мешая выкрикивать свою ругань и проклятия.

“Они собрались ещё до того, как я начал разговор с их царём,” — размышлял Пророк, расхаживая по хижине. Он чувствовал странное спокойствие, несмотря на исход его встречи. Всё было сказано как должно, и не было сомнений, что царь и знать Хаб-Элми поняли предлагаемое людьми Завета. Подготовленные толпы означали, что и ответ был готов заранее. В земле Архаб слышали слова Пророка — и отвергли их.

В дверь хижины ударил камень.

“Для людей Завета они не представляют угрозы. Они понимают нашу силу и согласятся не мешать нам. Они не могут принять Закон, оставаясь теми хищниками, которых я вижу, и не изменятся, оставаясь живыми.”

Комья земли разбивались о края окна, осыпая пылью земляной пол.

“Следует ли пути Высшей воли намерение привести к Закону этих хищников? Если для этого половину из них понадобится истребить, а другую запугать до полусмерти...”

Решение о любых действиях, включая уход скинии и начало обычных переговоров, было частью служения Пророка скинии. Такого не случалось очень давно, но согласно записям Кодеха северная часть Мци-Хабрит когда-то была царством, отославшим прочь скинию, но ставшим союзником людей Завета. Закон там приняли спустя десятки лет, а к Завету обращались много дольше.

“Правда, осужденному, принявшему служение вместо приговора, стоит семь раз взвесить подобное решение,” — мрачно усмехнулся Пророк. Впрочем, если именно это

будет правильным, он готов был так сделать. Если правильным будет именно это...

Пророк опустился на колени в центре хижины и прикоснулся ладонью ко лбу.

“Волю твою не разбираю я, путь твой сокрыт от меня, что следует делать мне, не знаю и путаются мои шаги. Воле же твоей нет предела, сила твоя развеивает туман и проливает свет. Слово твоё направляет шаги мои, дуновение твоё делает ясным разум. Истина твоя да воцарится во всём, что дано мне понять.”

Вместо спокойствия и ясности пришел приступ головной боли, недолгий, но мучительный. “В особом суде моя молитва стала бы ещё одним обвинением, но ведь прошлой ночью она получила ответ!” — Пророк вспомнил, как говорил перед царем Хаб-Элми, находя слова раньше мыслей. — “Или я уже знаю всё, что нужно...”

Стеклоглаз совла показал Пророка, вышедшего из хижины и идущего к уборной — крошечному сооружению неподалёку. Яростные крики толпы не передавались отображающим стеклом, но ясно ощущались всеми наблюдающими.

— Они не пытаются прорваться между стражниками, — заметил Ниосат Кареши. — Завидная дисциплина...

В сторону Пророка полетели комья земли и мелкие камни. Воины не позволяли бросающим приблизиться, но в остальном не мешали.

— Когда было молитвенное возобновление готовности двигателей и оружия?

— Час назад, эдона ниор-цев. Выполняем раз в два часа. Сделать сейчас?

— Не нужно. В экстренных действиях необходимости пока нет.

Какой-то сосуд разбился об изгородь рядом с Пророком, вышедшим из уборной.

— Сообщение по дальней электросвязи, эдона ниор-цев. Из скинического совета, адресовано тебе. Зачитываю: на закате сбросить Пророку особый пакет.

Шенай Бартеом кивнул и снова мрачно уставился в отображающее стекло. Картинка показала Пророка, скрывшегося в хижине.

В закрытую дверь хижины ударили ещё два камня. Крики снаружи не стихали. Пророк отряхнулся. Глиняная бутылка, разбившаяся недавно рядом с ним, обдала его осколками и кислой брагой.

“Я знаю всё, что нужно для решения. Я не могу решить, что правильно, что следует Высшему пути.”

Молитва вновь принесла приступ головной боли. “Ты требовал от Высшего вмешаться по своей воле! Разве ты предался Высшей воле в своих словах?” — вспомнил Пророк сказанное в особом суде.

“Воля Твоя да наполнит меня пониманием пути твоего, каждый шаг мой последует воле Твоей, намерение моё в исполнении воли Твоей, сделай же со мной то, что правильно будет!”

На этот раз ответом была глубокая тишина. Как будто исчезли крики снаружи хижины и посвист ветра в щелях стен, и даже сердце, казалось, стихло.

“Я не понимаю ответа,” — Пророк встал. — “Я могу только догадываться. То, что делают эти хищники, противно пути Высшей воли. Я послан к ним, значит, я не могу оставить их продолжать делать противное Высшему.”

Сучковатая палка с грохотом выбила кусок грубой рамы окна.

— Этому чужеземцу не занимать храбрости, — Сарда Бахруш смотрел, как посланец идёт от хижины к ограде, чуть дальше которой за редкой цепочкой воинов бесновалась

толпа. По мере его приближения люди стихали.

— Высочайший хочет знать о происходящем здесь, — к медириту подбежал шагерджинж.

— Ты как раз вовремя. Смотри сам и запоминай, что поймёшь, — бросил Сарда Бахруш.

— Он собирается говорить с толпой! — Ниосат Кареши изумлённо повернулся к Бартеому.

— Он Пророк. Его служение — возвестить Высшую волю. Это не только переговоры с вождями, эдона Кареши.

— Но если они его убьют прямо сейчас?”

— Думаю, этого хватит для явления Высшего гнева. Понадобится много молитв и лучше бы всем им не остаться без ответа, — ниор-цев оглянулся к помощнику. — Ходовая готовность всем! Но без суеты, всё проверить.

Помощник выскочил из стеноката. Шенай Бартеом достал из сумки пакет, запечатанный в промасленную кожу, и протянул старшему управляющему совлами.

— Вот это надо сбросить за хижинкой ближе к закату, эдона Кареши.

В рубежном лагере в очередной раз готовили к запуску всех совлов, на телегах Молящиеся приводили в готовность заряды, зашумел двигатель первого из тягачей.

— Полагаю, что и в этот раз будет отбой, но Высшая воля приходит по-разному... — ниор-цев опять вернулся к отображающему стеклу.

Пророк стоял у изгороди. Люди, столпившиеся за цепочкой стражников, стояли неподвижно и молчали. Стражники оборачивались к нему и снова продолжали следить за толпой.

— Люди земли Архаб! Я пришел к вам без оружия, без воинов, без силы, способной сокрушить вас. Высшая воля ведёт меня, и это превышает воинов и оружия.

Молчание. Сквозь молчание людей слышался посвист ветра и звуки с полей.

— Ваша жизнь — жизнь воинов и жизнь для воинов. Ваш народ достиг мастерства в войне, вы приходите и берёте, вы сокрушаете всех, кто встаёт против вас. Такова слава народа Хаб-Элми во всех землях.

— Верно! Мы всех бьём! И вас тоже задавим! — оскал на худом лице, грязная рваная одежда дрожит под ветром.

— Наверно, ты всё же пустишь вперёд их? — Пророк указал на воинов, стоявших на страже. Толпа громыхнула хохотом.

— Спросите у них, — Пророк вновь указал на воинов. — Спросите у воинов из ваших семей, что они увидели в лагере людей Завета. Спросите, легко ли сокрушить то, что они там увидели?

Люди в толпе переглядывались. “Когда воин в каждой семье, все всё быстро узнают,” — подумал Пророк.

— Легко сокрушить меня. Потому я и пришёл один, со словом и Высшей волей. Я стою перед вашей силой, но покорен я только воле Высшего. У меня только слова, но мне достаточно того, чем я наделён.

Стражники смотрели на толпу, но явно прислушивались.

— Малое зерно Высшей воли, которое мой народ уловил и претворил, дало нам силу, о которой вы знаете от воинов. Воля Высшего позволяет встать против любой силы и угрозы, и она же ведёт мой народ, не позволяя оставить в стороне противное Высшему.

— Вы хотите сделать нас всех дон мхарб! Вы хотите вкопать воинов в землю! —

горящие глаза, сжатые кулаки.

— Я стою перед тобой. Я стою перед этими воинами. Вы можете меня сокрушить, но я вас не боюсь. Мой народ — не воины, но скажешь ли ты, что мы дон мхарб? Скажешь ли ты мне, что я презренный, скажешь ли это стоящему перед всеми вами и говорящему с тобой? Скажут ли это воины?

Горящие глаза, сжатые кулаки и молчание.

— Вы говорите мне: чего хочешь от нас? Зачем пришёл к тем, кому нет дела до твоего народа? Скажу. Волки рыщут днем и ночью, берут, что пожелают, не знают себе преграды и говорят: кто ты? поди прочь от нас! Но когда приходит пастух и видит, что слишком много урона стадам, он приводит псов и людей с копьями и куда пришёл, там не отступает, пока не переведутся волки в этом месте. Вы больше, чем волки, вы можете быть не только волками. Высшая воля привела меня сюда, со мной и людьми моего народа пришла она и теперь она здесь. Высший коснулся земли Архаб рукой своей и не отнимет её. Высшая воля приносит закон для людей и отвергает волков. Вам предстоит решить, как жить в её прикосновении.

Пророк повернулся и пошёл к хижине. В небе описал плавную дугу совл.

— Что ты понял? — Сарда Бахруш повернулся к шагерджинжу. Тот в замешательстве помотал головой.

— Они хотят, чтоб мы жили, как они скажут. Они не отстанут от нас, — молодой воин посмотрел вдогон чужеземцу, входившему в хижину. — И этот болтун очень храбрый.

— Ты правильно понял. Я не ошибся, взяв тебя в помощь, — медирит оглядел всё ещё молчащую толпу перед воинами, охранявшими хижину. — Беги к Высочайшему. Доложи, что увидел и услышал. Я вскоре тоже приду.

За сетью, ограждающей рубежный лагерь, двое Молящихся готовили к запуску очередного совла. Подошедший Ниосат Кареши осмотрел небольшой сверток, удерживаемый всехватом.

— Проверили работу?

— Да, эдона Кареши. Сброс по сигналу ‘вав’, проверили два раза. Я сам молился над управлением.

Кареши посмотрел на солнце, приближающееся к горизонту. Предыдущий совл отправился наблюдать за Пророком более получаса назад.

— На ближайшую смену главного наблюдения запускайте, как и собирались, — Кареши отправился обратно к стенокату.

В полусотне шагов от сети всадники Хаб-Элми продолжали скакать, описывая бесконечные круги вокруг рубежного лагеря.

“Ради прихода воли Высшего повсюду да воцарится закон Завета в земле здешней, дабы явило оружие наше гнев Высший восставшим против воли Его, пусть будут заряды сии готовы возгореться!” — донеслась с одной из телег молитва, произносимая то там, то тут почти непрерывно.

Ниосат Кареши скрылся в стенокате.

Джэвэд Очивдат, течением Источника и согласием сотников названный балай всех Хаб-Элми, чувствовал страх. И это не было хорошо знакомое ощущение опасности перед боем или приближающейся песчаной бурей, заставшей в пустыне. Он твердо знал, что нужно действовать и совершенно не представлял, что можно сделать. “Наверно, так было с

вождями всех тех земляных племен, к которым мы приходили,” — вдруг подумалось ему. Эта мысль наполнила его яростью, и он вскочил на ноги как раз навстречу входящему медириту.

— Сарда! Твой шагерджинж наговорил тут небывалой чуши!

— Он передал то, что видел. И думается мне, передал он всё правильно. Толковый парень, Высочайший, — Сарда Бахруш поклонился балаю. — Этим людям действительно нужно, чтобы мы перестали быть течением Источника. Они хотят, чтобы мы сели на землю.

— Демоны пустыни! — донеслось от чаш со священной водой.

— Не охраняй этого чужеземца закон гостеприимства, я бы его сам убил! — Джэвэд Очивдат опустился на свернутые ковры. — И повёл бы сотни на их лагерь!

Избранные сотни одобрительно зашумели.

— Они к этому готовы, Высочайший. Погибнет много воинов. А позднее нам нужны будут все... — балай опять вскочил.

— Сам знаю! Мы их отпустим. Но когда они будут уходить, сотни их проводят. А по пути посмотрим, — балай зло усмехнулся. — Посмотрим...

— Нам надо знать больше об их оружии, — согласился Сарда Бахруш. — А они должны понять, что мы не сядем на землю. Они не отстанут, но это можно отодвинуть. А там... вода находит себе путь.

У входа шатра появился помощник медирита, один из доверенных людей. Он сделал знак, желая доложить лично, но балай крикнул ему: “Иди сюда и говори!” Люди, по словам помощника, были растеряны. Они больше не считали чужеземца жалким дон мхарб, их пугали речи про волю, которая привела этих чужаков, а особенно соединение этой воли и невиданных вещей, которые тревожили даже воинов.

— Пустить слух, что эти заветные любят и умеют говорить и многих уже одолели словами. Пусть спрашивают людей — правда ли, что они испугались одного красноречивого чужака? — помощник медирита поклонился и убежал. Сарда Бахруш повернулся к балаю.

— До утра этого хватит, Высочайший, но утром надо объявить решение всем.

Джэвэд Очивдат вновь опустился на ковры.

— Утром я отправлюсь к нему. Пусть соберутся все сотни, кроме тех, что у лагеря чужаков. Пусть приведут с собой лучших воинов.

— Голос Источника с тобой! — отозвались все в шатре.

В окне хижины на фоне темнеющего неба появился снижающийся совл. Пророк поднялся на ноги и присмотрелся. Высота и направление движения показывали, что совл пройдёт прямо над головой и совсем невысоко. “Скинический совет ждёт от тебя усердия в служении, будь несокрушим в претворении Высшей воли,” — усмехнулся Пророк, однако спокойствие, наполнявшее его во время разговора с толпой, рассеялось.

Сквозь крики толпы, поднявшиеся при снижении совла, что-то стукнуло за хижинной. Пророк открыл дверь. Люди размахивали палками и клинками и кричали вслед поднимающемуся в закатное небо совлу. “Проклятая неживая птица! Ты нас не испугаешь! Убирайся!” — донеслось из толпы. Пророк отправился в сторону уборной, по пути быстрым движением подняв с песка свёрток.

— Фарун уже увёл две сотни?

— Да, Высочайший, — медирит сверился со свитком. — Колесницы до предела загружены водой и припасами. С ними треть всего запаса огненных стрел. К рассвету они

будут уже сильно дальше лагеря чужаков и расположатся на пути их отхода.

На картинке в отображающем стекле двигались всадники и большие повозки, запряженные горбанами.

— Около пары сотен, эдона ниор-цев. Будут невдалеке от нас между полуночью и рассветом.

— Верно. Как раз тогда у нас очередное молитвенное возобновление готовности... — Шенай Бартеом глянул на малое стекло. — Пророк послание забрал. Хорошо, — он повернулся к помощнику. — Разбудите, если что-то произойдёт, либо когда эти подойдут.

В полумраке стеноката слабо светились стекла блока управления. Снаружи сквозь шум копыт и возгласы кружащих всадников послышался нарастающий звук идущего на посадку совла.

Пророк зажег малую лампу картинника и при её свете развернул сброшенный свёрток. Небольшой лист был сложен пополам и запечатан знаком скинического совета. “Ожидаем усердия в служении...” — снова усмехнулся Пророк, ломая печать.

“Скинический совет не просил о пересмотре решения особого суда. Исполнение остаётся отложенным до окончания скинии. Высшая воля и её путь есть единственное твоё упование, заслуг же особых у тебя мы не видим.”

Пророк замер, уткнувшись взглядом в темное небо за окном.

“Воля Твоя осуществляется на пути Твоем, нет у меня ничего помимо воли и пути Твоего, не могу я сделать и шага вне усмотрения Твоего, помоги мне понять, где шаг мой нужен!” — голову пронзила боль. На глаза попался ещё один листок в свёртке, тоже сложенный, но запечатанный просто кусочком воска.

“Хавер высшего курса Техниона, в котором состоит Годон из семьи Селиот...” — Пророк остановился. Хавер, содружество обучавшихся в Технионе и вместе окончивших высший курс, сообщество Молящихся, по большей части с высокими званиями, сохраняющих связь между собой и поддерживающих друг друга. Просьба хавера имела вес, ходатайство хавера не могло остаться без внимания.

“Хавер высшего курса Техниона, в котором состоит Годон из семьи Селиот, не признает перед Высшим лишенного имени и звания. Собрание хавера не нашло причин обращаться с ходатайством к особому суду и не просит за того, кто носил имя Годона Селиота. В остальном оставляем упования на Высшую волю.”

Пророк медленно положил листок рядом с посланием скинического совета. “Усердие в служении и старание в праведности... их ждут от того, кого больше не знают перед Высшим и знать не желают?!” — он вновь положил руку на лоб, опустившись на колени посреди хижины.

“Путь Твой проходит сквозь меня, не знаю, как прикоснуться к нему, не вижу я даже шага перед собой. Прошу тебя увидеть меня, молю ответить обо мне, распорядись мной по воле Твоей, но не оставь меня без неё! Обступили меня желающие гибели моей, умножились враги мои соратниками моими, требуют от меня того, чего не давали мне. Нет у меня намерений и действий, хочу от Тебя решения обо мне!”

Тишина и пустота заполнили Пророка. Взгляд его упал на лист из скинического совета.

“Высшая воля и её путь есть единственное твоё упование,” — прозвучало в тишине и пустоте.

“У меня есть моё служение в скинии. Остальное оставляю в Твоём усмотрении,” —

Пророк перебрался на соломенную подстилку в углу хижины. В дверь и стены время от времени ударяли камни, крики и проклятия сливались с ночным ветром.

— Вот они, эдона ниор-цев. Прошли мимо, двигаются дальше так быстро, как могут с этими повозками.

Шенай Бартеом взгляделся в отображающее стекло.

— Хорошо. Сопровождайте до места, где они останутся. Потом присматривайте время от времени, постоянное наблюдение можно не вешать. И вот что, эдона Кареши: иди спать. С дежурством справятся помощники, служение несложное.

Ниор-цев встал, потянулся, прошелся в сумраке стеноката.

— Всем, кроме дежурных и наблюдателей, спать! — с этими словами он вышел наружу, под горящее звёздами небо.

За растянутой вокруг рубежного лагеря защитной сетью проскакал очередной всадник. Больше ничего не было слышно, кроме посвиста ветра. Бартеом прошел между телегами, кивнул повернувшемуся к нему дежурному, сидевшему на тягаче. Никаких звуков со стороны лагеря воинов Хаб-Элми, ничего, кроме удаляющегося стука копыт. Ниор-цев вернулся в стенокат.

— По всей скинии приказ спать всем, кроме дежурных, — негромко бросил он помощнику. — Как рассветёт, провести полную молитвенную подготовку и дальше держать постоянную боевую готовность. Ходовая готовность каждый час.

Внутри и снаружи ограждения рубежного лагеря ветер продолжал пересыпать песок.

Сарда Бахруш, действующий медирит земли Архаб, снова и снова ждал неприятностей. Он молча следовал за Высочайшим в сторону хижины посланца заветных, отвечая только кивком на доклады подбегавших помощников. Предстоявшее было неизбежно, и последствия тоже представимы, и ничто в этом не несло радости. “Вода находит себе путь,” — снова и снова говорил он про себя, не находя в этом успокоения.

Пророк стоял неподалёку от изгороди, глядя на приближающегося царя Хаб-Элми, перед свитой которого расступались уже собравшиеся с утра люди. Он медленно стёр с лица пот и увидел на руке размазанную кровь. Брошенный в него недавно ком земли, оказывается, рассёк кожу на лбу. “Иду по воле Твоей, ищу пути Твоего, предаю себя Твоему усмотрению”.

Джэвэд Очивдат встал перед изгородью. Воины, стоявшие на страже, отошли в стороны, дав место сотникам. Толпа вокруг стихла. Всё стихло, кроме посвиста ветра.

— Ты рассказал о своей земле и твоём народе, мы поняли, чего вы хотите. Ответ народа Хаб-Элми тебе и твоим заветным: нет. Источник не прекратит течение, народ воинов не сядет на землю. Если вы придёте к нам со всей вашей силой, вас встретит война. Если вы убьёте девять из десяти в земле Архаб, десятый затаится, чтобы пустить стрелу и вонзить клинок. Запомни мои слова и уходи с ними к твоим людям, что ждут в пустыне.

Стих даже ветер. Джэвэд Очивдат, течением Источника и согласием сотников названный балай всех Хаб-Элми, отступил на шаг назад от изгороди.

Пророк обвел взглядом всех стоявших за изгородью.

— Я пришёл сюда, следуя пути Высшей воли. Говорить с тобой или с твоим народом — то, что я могу делать на этом пути. Я не уйду.

— Ты пришёл как посланец твоего народа, и я отсылаю тебя к твоему народу с ответом земли Архаб!

— Мой народ следует Высшей воле и несёт праведный закон в другие земли. Я не

понесу ответ, противный Высшему.

— Если бы словами можно было сокрушать врагов, вы бы правили всеми землями, что есть на свете. Наверно, в других местах так и случилось! — балай с усмешкой оглянулся на сотников и толпу за ними. По толпе прокатился смех, прокатился и смолк.

— Тебя охраняет обычай гостеприимства, но его время истекает. Когда солнце достигнет вершины дневного пути, эти воины перестанут тебя охранять и у них не будет причин тебя щадить, как и у любого Хаб-Элми. Если до того ты уйдёшь, тебя никто не тронет по пути до твоих людей, стоящих в пустыне. Они не пришли как гости, но их тоже не тронут, если ты уйдёшь. Прощай, посланник заветных.

Балай повернулся и пошел обратно в сторону холма. Сотники последовали за ним. Медирит задержался у изгороди.

— Ты отважен, чужеземец. Но больше твои слова здесь никто не услышит. Уходи, дай знать своим об этом, — Сарда Бахруш быстрым шагом отправился за свитой Высочайшего.

— Ответ очевиден, — мрачно заметил Шенай Бартеом, не отрываясь от отображающего стекла. — Это не было ещё одной частью переговоров, — его голос был слабо слышен на фоне шума двигателя стеноката, но старший управляющий совлами согласно кивнул.

— Эдона Кареши, все совлы снаряжены максимальным боезапасом?

— Да, эдона ниор-цев. Довешены огнеискровые бомбы на всехватах, кроме того совла, что к готов запуску с телеги. Тот всехватом на щите скорострела держится.

От двигателя сквозь его шум доносились обрывки молитв. Пока было время, Молящиеся подкрепляли работу ходовой части.

— Ходовая готовность всем постоянно. Подготовьте сброс ограждения лагеря. Помощник кивнул и выскочил из стеноката.

— Отправь сводку по дальней электросвязи через совла, эдона Кареши.

Скиния была готова с боем пойти к земле Архаб. Все Молящиеся чувствовали приближение времени, когда надо будет явить Высший гнев. Каждый вспоминал памятное с дней учёбы: “Превыше гор и жарче горна кузнечного встаёт Его отмщение и кто же может устоять?”

Ниор-цев не отрывался от картинки, передаваемой стеклоглазом совла.

Стражник сделал знак толпе. Крики прекратились, замахнувшийся камнем опустил руку и отступил назад. Стражник повернулся к Пророку.

— Солнце высоко, чужеземец. Скоро мы повернёмся к тебе вместе с этими людьми. Может, мы их ещё чуток попридержим — это чтоб ты не враз умер. Беги, говорильщик, пока ещё можно.

— Я благодарю тебя за добро, достойный воин, — Пророк поклонился. — Но всё то, что вы можете сделать со мной, оставит меня на пути Высшего. Я не сойду с него.

— Ну как знаешь, говорильщик, — стражник обернулся к толпе. — Этот сдуревший хочет умереть здесь! Эй, стоять всем! Рановато! И камни тоже отложите пока.

Комья земли и палки вновь полетели в Пророка под яростные крики. Долетали далеко не все, попадали и того реже, но кровь с лица было уже бесполезно стирать. Попадание в переносицу выбило у Пророка слёзы. Он не стал стирать и их, вновь сделав шаг в сторону толпы.

— Я стою перед вами, готовый ко всему, что усмотрит для меня Высший. В этом опора людей Завета, на том стоит сила закона, что мы приносим в другие земли. Может ли ярость ваша, требующая убивать, встать против Воли, дающей силу встать против вас с готовностью

к смерти?

— Вот и сдохни, дон мхарб! Убирайся! Воины не сядут на землю! — крики толпы сливались в сплошной рёв. Солнце приближалось к зениту. Пророк отошёл назад к хижине и опустился на колени.

“Одно намерение у меня — принести завет Твой в землю Архаб, привести народ сей гордый и жестокий к Твоему закону. Одно действие осталось мне — взывать к Воле твоей, да случится здесь всё по пути Твоему и силами людей Твоих!” — и вновь в разум Пророка пришли тишина и спокойствие. Он поднялся и вновь приблизился к толпе и стражникам.

— Он продолжает говорить? — балай посмотрел на помощника медирита, вбежавшего в шатёр.

— Да, Высочайший. Он не собирается уходить.

— Значит, скоро он умрёт. Сотням на границе оазиса приготовиться. Всем сотням готовность!

Избранные сотники переглянулись. Двум сотням вблизи лагеря чужеземцев предстояло проверить их силу и узнать на себе их неведомое оружие. Всадники, которые прискачут оттуда к оазису, сообщат всё, что смогут, основным силам, чтобы те встретили врагов уже со знанием их возможностей.

— А если они двинутся прочь?

— Обошедший отряд их задержит, а я поведу основные силы вдогон, — Джэвэд Очивдат откинулся на коврах. Один из Говорящих с Источником поднёс ему священную воду в чаше.

— Что происходит? — Шенай Бартеом высунулся из стеноката. — Почему совл готовится к взлёту?

Совл, установленный на щите скорострела, был окутан дымом от запуска двигателей подъема. Управляющие смотрели на него в ошарашенности.

— Никто его не запускал — сказал за спиной ниор-цева Ниосат Кареши. — Самопроизвольно... так, опрос состояния...

— *режим транспортировки груза — балансировка с большой нагрузкой — подъем* —

— Он пытается подняться, не отсоединившись от скорострела!

— Автономная система рехнулась, надо перехватить... — Кареши пробежал пальцами по блоку управления, бормоча молитву. — Не откликается!

— Открепите скорострел! — рявкнул Бартеом. — Открепите с телеги, БЫСТРО!

— *нагрузка уравновешена — подъем — переход в полётный режим* —

Совл, ревя двигателями подъема на запредельной мощности, взлетел, унося подвешенный на всехвате скорострел, и начал разгоняться.

— *режим полёта — форсированный полёт включен* —

— Пошли отчеты состояния с остальных! — крикнул Кареши. — На всех предпусковые!

— Выставить совлов на песок! — заорал ниор-цев. — ВСЕХ СОВЛОВ! Выставляйте чтоб было место на взлёт!

Люди походной службы ничего не понимали, но навык служения делал своё дело. У совлов, устанавливаемых на песке, уже запускались двигатели, люди торопливо отскакивали от них.

— Что, ради Высшей воли, происходит?! — Ниосат Кареши почти в панике пытался передать хоть на один из совлов команду.

— Не знаю. Но нам следует предельно к этому приготовиться. ВСЕМ ВНИМАНИИ

Готовность явить силу Высшего! НЕСЁМ ЗАВЕТ!

— Завет в нас! — вразнобой отозвались Молящиеся всей скинии. Первые два совла взлетели из рубежного лагеря и направились в сторону оазиса. Шенай Бартеом вернулся в стенокат и уставился в отображающее стекло. Двигатель стеноката вдруг взревел.

— Никто не молился, ничего не трогали! — закричал ниор-цеву испуганный техник. Бартеом встал на рулевой пост.

— Всем! Как только взлетит последний совл, уронить ограждение и дать ход!

Помощник высунулся из стеноката, передавая приказ. Бартеом вновь повысил голос.

— Всем! Мы несём Высшую волю, мы претворяем Высший гнев! Не препятствуйте происходящему, способствуйте молитвой и действием! Мы все — Молящиеся, принятые в служение, исполним его!

Лязг ходовой части заглушил его последние слова, но помощник выкрикнул их из двери стеноката. Огромная машина вздрогнула и двинулась вперёд. Шенай Бартеом взялся за управление, направляя стенокат.

— Хоть один из совлов принимает команды? — бросил он старшему управляющему.

— Следящий за отрядом поблизости под контролем, эдона ниор-цев, — ответил Кареши. — И... поднятый с быстроходника тоже управляется. От меня принял команду, значит, и с тамошнего блока должен.

Тягачи с телегами разбросали колесами упавшее ограждение рубежного лагеря, набирая ход следом за стенокатом и догоняя его. Быстроходник уже опережал остальные машины. На бархане впереди заметались всадники.

— Удар совлом только если нападут, одновременно с нашим огнём, — Бартеом направлял движущийся полным ходом стенокат, поглядывая на отображающее стекло попеременно с передним окном.

Всадники приближались к идущей полным ходом скинии, охватывая её сбоку. Молящиеся на телегах быстро обновляли готовность огнеискровых бомб, одновременно проверяя взведённые пружинные метатели. Два совла снизились над отрядом Хаб-Элми на минимальную высоту, недоступную стрелам, остальные уже исчезли из вида. Двигатели ревели на предельной мощности, заглушая крики всадников.

— Последний шанс тебе уйти к своим, чужеземец, — бросил стражник Пророку. — Если хочешь добраться побыстрее, можем подвезти.

— Благодарю. Гостеприимство вашего народа безупречно, — ответил тот без тени улыбки. — Но я здесь не для того, чтобы предоставить легкий выбор. Я не унесу от народа Хаб-Элми Высшую волю, но останусь возвещать её путь в земле Архаб.

Воин кивнул и махнул рукой. Его товарищи принялись растаскивать изгородь. Толпящиеся за ней люди бросились собирать камни.

Пророк отошёл назад, стер кровь с лица вокруг глаз и опустил на колени. “Времени немного,” — подумал он, приложив руку ко лбу.

“Воля Твоя в каждом моём шаге, путь Твой — все мои пути, и нет у меня пути, который не был бы Твоим. Должное совершится в этой земле да совершится, да стану я средством для намерения Твоего, в том одно моё намерение. Помыслы мои ведомы Тебе, возьми их и обрати их во благо Твоё.”

Пророк встал и посмотрел на толпу, уже набравшую камней. Стражники с ухмылками разошлись в стороны.

— Сдохни, говорильщик! Сейчас получишь ответ!

Несколько всадников позади толпы наблюдали за происходящим. Пророк посмотрел выше и дальше — у шатра на холме стоял царь земли Архаб со свитой.

— Идёт отчёт по состоянию совла, что улетел первым! — голос Ниосата Кареши прорвался сквозь рёв двигателя и лязг с грохотом, заполнявшие стенокат. Шенай Бартеом кивнул и крикнул наблюдателю в башенке: “Что там по кругу?” “Пока держатся дальше полёта стрелы,” — донеслось сверху. Ниор-цев снова кивнул и повернулся к старшему управляющему совлами.

— Который унёс скорострел?

— Он самый! Подлетает к оазису.

— *форсированный полёт отключен — режим транспортировки груза — точка помещения груза определена* —

Двигатель стеноката взревел ещё сильнее, хотя это казалось невыносимым. Тряска усилилась.

— Горящие стрелы по телегам! — крикнул наблюдатель.

— Огнеискровыми бей! Да познают страх перед Высшим гневом!

Над башенкой заметался сигнальный флажок.

— Навожу совла!

— Огнеискровыми вместе!

Среди всадников, стрелявших по телегам зажженными стрелами, взметнули песок первые взрывы. Люди походной службы морщились от криков лошадей, пораженных каплями жидкой огнесмеси, и перевзводили пружины метателей. Ружья, скорострелы и орудия пока молчали. Двуслойные борта успешно задерживали стрелы, а их покрытие пока что справлялось с приносимым на стрелах пламенем.

— Отходят!

— Прекратить огонь! Нам ещё далеко.

Скиния на предельной скорости неслась в сторону оазиса, сопровождаемая воинами Хаб-Элми.

— Нна!

Первые два камня пролетели мимо. Третий вскользь ударил Пророка по плечу.

— Чокнутый чужеземец! А вот тебе ещё!

Мимо. Опять промах. Удар по ноге выше колена.

— Эй, не все сразу! Не кидать помногу, дурачьё земляное! — стражники явно хотели растянуть развлечение.

“Нет пути, кроме Высшего,” — Пророк смотрел поверх толпы. — “Не случится здесь ничего вне Его воли.”

Камень разбил скулу, залил глаза слезами.

“Да будет всё по воле Твоей. Высшая воля открывает путь каждому моему шагу. Высшее намерение наполняет каждое моё действие. Не творится ничего вне Твоего пути.”

Ещё один камень пролетел мимо. Следующего почему-то не было. Протерев глаза, Пророк увидел, что все смотрят мимо него куда-то вверх. Он обернулся.

— *приближение к точке помещения груза — запуск подъемных двигателей — зависание над точкой помещения груза* —

Совл приближался, подъемные двигатели работали на пределе. Щит скорострела,

удерживаемого всехватом, опустился перед Пророком.

— *отсоединение груза — подъем — переход в полётный режим —*

— Бей неживую птицу! Убить демонов пустыни!

Несколько стрел пролетели под набирающим высоту совлом, одна отскочила от корпуса. Множество стрел и камней ударило в щит.

— С дороги, земляные! — стражники склонили копья и бросились вперёд.

“Высшая воля в каждом шаге. Его намерения в моём действии.”

От грохота выстрелов люди кинулись в стороны, оглядываясь на воинов, отброшенных назад и истекающих кровью. Камней они не уронили, и многие достали ножи, забегая по бокам вдоль оставшихся частей изгороди.

— *программа охранения — заградительный огонь по флангам — распределение огневых средств —*

Снаряд разорвался перед людьми, обходившими слева, перед обходившими справа по земле хлестнули пули. Толпа бросилась прочь, шарахаясь от всадников, что неслись к хижине, разворачиваясь широким полукольцом. Им навстречу плыло облако дыма и оседающей пыли.

— Надо убавить ход! Двигатель заклинит!

— Всадники идут на сближение с трёх четвертей круга!

— Ход сохранять. Молитесь об охлаждении. Всем сигнал! Огонь всеми средствами!

Скиния на предельной скорости неслась в сторону оазиса, атакуемая воинами Хаб-Элми. Борта телег и кожухи тягачей дымились от горящих стрел, позади оставались тела всадников и коней. Хаб-Элми обстреливали машины скинии почти в упор, некоторые пытались достать копьями людей походной службы через боевые окна в бортах. С телег грохотали ружья и скорострелы, выкашивая воинов, под горящими каплями огнесмеси лошади сбрасывали всадников, совлы делали круг за кругом, атакуя тех, кто был дальше от машин.

— Орудиям огонь дробью, без подготовки!

— Потеря топлива на совле, подбили! Увожу на расстояние, экономный полёт!

— Подтверждаю. Давай молитву о закрытии пробоин. Что с двигателем?

— Нагрев на пределе, но держится. Молимся об охлаждении, явные ответы!

— Усердие одобрено. Всем сигнал! Беречь бомбы! Сигнал быстроходнику — обойти!

— Быстроходник уже заходит извне слева! — донеслось из башенки.

Шенай Бартеом надавил на руль, подправляя направление стеноката. Скиния на предельной скорости неслась в сторону оазиса, атакуемая остатками двух сотен Хаб-Элми.

С холма было очень хорошо видно, как с прилетевших неживых птиц сорвались огненные росчерки, обернувшиеся взрывами среди всадников, как невидимые снаряды сбивали воинов с коней и оставляли в крови на земле. От шатра замершему балаю было ясно видно, как в считанные мгновения оказалась истреблена половина дежурной сотни, все те, кто ринулись на чужеземца.

Высочайший поглядел вдаль — ему не показалось, на горизонте виднелся дым и завеса вздыбленного песка.

— Митхад! Подведи твои сотни к этому проклятому месту. Вперёд колесницы, за ними все, кто могут укрываться пешими. Всадникам пока держаться подальше сзади врассыпную. На колесницы большие самострелы с пучками огненных стрел. Приблизиться, но не

нападать, — балай повернулся к остальным избранным сотникам. — Сотни от границы оазиса назад, по обе стороны от этого места. Остальные сотни к ним, кроме... Базарган! Три сотни оставь в глубине, рассеянные и спрятанные.

— Высочайший, — голос Говорящего с Источником заставил балая вздрогнуть. — Мы спрашивали и получили ответ, — Говорящий посмотрел в чашу. — Сердце Источника течёт кровью. Много крови, Высочайший.

— Видишь ли ты окончание этого?

— Да. Кровь прекращает течь, но не видно, как, — голос Говорящего стал тише. — Возможно, она остановится, когда вытечет вся.

— Так пусть это будет не только наша кровь! — крикнул Джэвэд Очивдат. — Сотням расположиться среди домов. Сделайте щиты и укрытия из всего, что есть. Сарда, мастеров и запасы к сотням! Взять все преграды с походных дворов!

— Уже приказано, Высочайший, — медирит слегка поклонился. Балай опять всмотрелся вдаль. Впереди постепенно приближающегося облака поднятого песка неслись всадники.

— Встретить, быстро расспросить, услышанное донести в сотни! — Джэвэд Очивдат присмотрелся к движению песчаной завесы. Времени до предсказанного течения крови осталось немного.

— Возгорания потушены, ущерб не критичный! — крикнул наблюдатель из башенки внутрь стеноката. Шенай Бартеом кивнул, не отрывая взгляда от приближающегося оазиса.

— Доклады о потерях, состояние?

— Есть раненые на четырёх телегах, двое убитых, боеспособность полная. Все молитвы получают ответ.

Ниор-цев снова кивнул. Он понимал, что в оазисе всё будет хуже. В отображающем стекле виден был Пророк, стоящий за щитом скорострела в окружении множества убитых и раненых. В его сторону двигались повозки с большими наклонными бортами, за которыми укрывались воины. Один из совлов по-прежнему передавал картинку, наблюдая в правильном ракурсе.

— Эдона Кареши! Команды проходят?

— Только на два, что возле нас. С остальных идёт лишь отчет состояния. Я не понимаю, что происходит, эдона Бартеом.

— Ими командует Высшая воля прямым проявлением. Сейчас мы все — что люди, что техника — исполняем пресуществление Его воли в действие. Так что делаем, что можем... — Шенай Бартеом смолк, глядя в переднее окно. Пора отдавать последние приказы, после входа в оазис уже мало что можно будет изменить.

Пророк слышал позади себя приближающийся рев двигателей, лязг приводов и грохот колёс с катками. Он не стал смотреть назад, как не смотрел и при попытке напасть на него со стороны края оазиса, когда одновременная атака пяти совлов заставила воинов отступить, а “земляных” броситься прочь. Теперь и оттуда слышались стоны множества раненых. Подобравшиеся довольно близко за повозками пока ничего не делали. Совлы двигались кругами над Пророком и тоже больше не стреляли.

“Твоя воля даёт мне покой, путь Твой под каждым моим шагом, молю о помощи в готовности следовать,” — Пророк взгляделся левее щита, где за телегами Хаб-Элми виднелось множество хижин и более крупных строений. — “Пусть являющие гнев Твой

увидят восставших против пути Твоего.”

— программа наблюдения — район наблюдения определен —

Один из совлов сошел с круга и описал длинную дугу вперед и влево. Ещё один двинулся вглубь по прямой.

— Сосредоточение среди домов! Ещё одно правее!

— Вижу. Сигнал всем! В линию за стенокатом! — Шенай Бартеом налег на руль, принимая левее. — Сигнал быстроходнику! Держаться влево, обойти по краю, поджигать!

Воины Хаб-Элми делали всё безошибочно. В проходах между домами стояли колесницы с высокими бортами, скрывающими воинов, а между колесницами переносные преграды, множество лучников рассыпалось по укрытиям, готовые стрелять в упор, самые ловкие укрывались в проходах, готовые вспрыгнуть с клинками на вражеские телеги. Сотники Хаб-Элми знали своё дело, и воины их сотен всё делали верно. Но громящая машина ворвалась прямо в середину их сосредоточения, разбрасывая преграды, телеги и даже хижину тучей обломков, сбивающих воинов. Со рвущим уши грохотом разлетались во вспышках пламени колесницы вместе с воинами, невидимые снаряды поражали одного за другим и разлетающиеся снопами горящие капли поджигали всё вокруг. Следовавшие за стенокатом телеги плотным огнём с обеих сторон поддерживали и наращивали это уничтожение, эхом звучали выстрелы и взрывы со стороны обошедшего воинов быстроходника.

Но даже тут погибали не все. Навстречу снизившемуся совлу, сбросившему огнеискровые бомбы прямо в укрытия Хаб-Элми, ударил сноп горящих стрел.

— возгорание — потеря скорости — самоподрыв на снижении — нет состояния — нет состояния —

Воины, пережившие обстрел и не попавшие под колёса и обломки, метнулись между своими лежащими в крови товарищами и вскочили на несущуюся мимо телегу. Один выбил плечом поломанный край борта, и его тут же встретили выстрелы изнутри. Но его тело, сбивая стрелков, влетело внутрь, брошенное ворвавшимися следом товарищами.

Лучники, задыхаясь в дыму, сбрасывали горящие халаты и посылали мечущийся вокруг огонь на своих стрелах вдогон врагам. Всадники, до того рассыпавшиеся в стороне, метнулись навстречу колонне.

— Четвертая телега потеряна! На третьей и шестой огонь, сбрасывают часть бортов! — крикнул наблюдатель. Шенай Бартеом повернул стенокат к налетающим всадникам.

— Сигнал всем! Сохранять построение! Прицельный огонь всеми средствами, — ниорцев хлопнул по плечу Кареши, не отрывающегося от блока управления. — Передача через совлов по дальней связи. Да, команды не принимают, но может, передадут сообщение. Являем гнев, ничейные яростны, уповаем на Высшую волю. Особо: ответ намерению, сильный, длительный, всеобщий.

Ниосат Кареши кивнул, его молитва не была слышна за грохотом двигателя и выстрелами.

— Сигнал быстроходнику! Подобрать Пророка и уходить в пустыню!

Скиния неслась по земле Архаб, атакуемая всадниками Хаб-Элми.

Пророк вышел из-за щита. На его глазах люди, привыкшие брать силой, сокрушать и не отступать, набрасывались на людей, несущих Завет, и гибли. Уже сотни из них лежали мертвыми среди горящих обломков и просто на песке или умирали среди убитых, но всё новые и новые воины сменяли их. И не только воины — люди с земли, даже подростки и

женщины, тащили какие-то деревянные конструкции, пытаясь преградить дорогу скинии, подносили большие щиты, за которыми пешие воины укрывались от обстрела. И “земляные” тоже гибли во множестве, и тоже не отступали.

“Во имя Твоей воли, чей путь не имеет предела, да преисполнит гнев Твой границы ярости врагов Твоих, да станет им питьём пламя Твоё,” — Пророк почувствовал, как его молитва провалилась в беззвучную пустоту внутри. — “Во исполнение Твоей воли, следуя пути Твоему, да сокрушат несущие Твой Завет...” — он не смог даже закончить молитву. “Ради сокрушения врагов Твоих...” — вспышка головной боли чуть не лишила его сознания.

Пророк побежал в сторону холма, около которого скиния должна была столкнуться с собравшимися наверху и среди домов Хаб-Элми. Совл, круживший над ним, резким снижением и парой выстрелов отогнал нескольких людей, пытавшихся приблизиться.

— Пора встретить судьбу, — Джэвэд Очивдат, течением Источника и согласием сотников названный балай всех Хаб-Элми, бросил взгляд на собственную сотню, присмотрелся к деревянным приспособлениям, приготовленным воинами, и выхватил свой клинок.

— Пусть текущая кровь закипит от нашей ярости!

Скиния замедлилась, разбрасывая деревянные преграды, выставленные на пути. Позади осталась телега, где людей походной службы перебили из луков через сброшенные части бортов и другая, где всадник, проскочив через обстрел, проломил борт, послав коня прямо на телегу, а следом за ним ворвались и другие воины. Стенокат выстрелами из орудий разнёс несколько укрытий впереди, но внезапно из дыма возникли всадники и сбросили бревна, из-за приделанных опор вставшие наклонно на песке. Огромная машина всем своим весом налетела на концы брёвен. Одно из них сломало “бычий лоб”, выбив из него орудие, второе проломило переднюю стену. Шенай Бартеом, оглушенный ударом, ещё пытался подняться, но помощник уже поворачивал руль, чтобы сдвинуться с упора. Ещё одно брошенное всадниками бревно пробило задний каток и застряло в нём. Со страшным лязгом рассоединился привод и стенокат полностью остановился. Телеги подлетели и встали вплотную, совлы ударили по окружившим скинию воинам.

— нет снарядов — низкий остаток патронов — прицельный огонь на малой высоте — повреждение — потеря топлива — самоподрыв на снижении — нет состояния — нет состояния —

Быстроходник затормозил перед бегущим Пророком, взметнув песок.

— Давай сюда! — Пророка втянули внутрь, дверь захлопнулась, и он чуть не упал от рывка с места.

— Куда?

— Прочь в пустыню, — бросил, не отрываясь от руля, командир быстроходника.

— НЕТ! — голос Пророка внезапно перекрыл грохот двигателя. — Обратно!

— Приказ!

— Я следую путём Высшей воли, всё, о чём я молю, в Его намерении, — двигатель быстроходника вдруг резко сбросил обороты и зазвучал неровно, грозя заглохнуть. — Возвращаемся.

Когда машина развернулась в сторону сражения, двигатель опять взревел и набрал обороты. За время разворота командир успел мрачно порадоваться, что в скинии нет простодушных — они бы не ограничились мыслью “Что во имя Высшей воли тут

происходит?!"

Вокруг скинии раненые лошади давили раненых воинов среди мертвых тел. Живые Хаб-Элми собирались за придвигаемыми всё ближе колесницами и щитами. Люди походной службы под прикрытием телег смогли освободить каток стеноката.

— Во имя Высшей воли, ради принесения пути Его... — Молящиеся подкрепляли неровно работающие двигатели и обновляли заряды. Шенай Бартеом стоял у руля стеноката, стирая кровь с рассеченного лба, и ловил момент, когда пора будет начать последнюю атаку. Он больше не смотрел в отображающее стекло и ни о чём не спрашивал наблюдателя в башенке. Боевое чувство ниор-цева владело им полностью и не оставляло сомнений.

— Они всё ещё сильны, но их можно убивать, — правая рука Джэвэда Очивдата висела окровавленной плетью, но клинок в левой не дрожал. — Сейчас мы пойдём навстречу и сшибёмся с ними вплотную. Готовьте огонь и кидайте внутрь. Сердце Источника с нами! Мы его кровь!

— Голос Источника с тобой! — колесницы и щиты двинулись вперёд.

— ...ради сокрушения врагов Твоих да приведутся в движение! — грохоча приводом, стенокат сдвинулся с места. Телеги повернули следом, оставшиеся совлы пошли на снижение.

— Что ты делаешь?! — Пророк распахнул дверь быстроходника и полез на защитный кожух двигателя.

— Между ними и встать!

Командир быстроходника всем существом Молящегося чувствовал, что сделать что-то другое сейчас не получится, да и нельзя. Быстроходник стремительно приближался к скинии.

Множество стрел ударило в борта, не меньше просвистело выше, но ни одна не задела Пророка. Быстроходник удачно отбросил выставленную преграду и влетел между стенокатом и щитами Хаб-Элми. Двигатель внезапно заглох и колеса затормозились. Пророк пошатнулся, но удержался на кожухе и выпрямился.

— Ради блага Твоего **ДА УСЛЫШАТ МЕНЯ ВСЕ!** — эти слова прозвучали раскатом грома. Стенокат и телеги остановились, воины Хаб-Элми выглянули из-за укрытий.

— **ВЫСШАЯ ВОЛЯ НЕСЁТ БЛАГО, БЛАГО ЗАВЕТА ПРЕВЫШЕ СИЛЫ, ПРЕВЬ ГНЕВА!**

Несколько воинов натянули луки и прицелились. Два совла по крутой дуге пошли на снижение.

— **ГДЕ НЕСУЩИЕ ГНЕВ ТВОЙ НЕ МОГУТ ПРЕЛОМИТЬ СИЛУ, ДА РАССЫПЛЕ СИЛА ПО ВОЛЕ ТВОЕЙ!**

На луках со звоном лопнула тетива. Воины в оцепенении смотрели, как рассыпаются ржавчиной их клинки, трескаются и ломаются стрелы, как разваливаются большие щиты и высокие борта колесниц. Взревели двигатели, стенокат двинулся вперёд, стволы скорострелов нацелились, все совлы зашли на атаку. Джэвэд Очивдат в бессильной злобе смотрел на приближающуюся гибель, которой воины Хаб-Элми больше не могли ничего противопоставить.

— **ГДЕ ГНЕВ ТВОЙ НЕ МОЖЕТ ПРЕЛОМИТЬ ЯРОСТЬ, ДА СТИХНЕТ ГНЕВ ТИ УСТУПАЯ БЛАГУ!**

Двигатели стихли. Орудие в уцелевшем “бычьем лбе” задрало ствол к небу. Замки скорострелов рассыпались деталями. Совлы отвернули в стороны.

— режим полета — отказ двигателя — аварийная посадка — место выбрано — посадка — экстренное отключение — нет состояния — нет состояния —

Шенай Бартеом замер у заклинившего управления во внезапной тишине.

— ЛЮДИ ЗАВЕТА! ОСТАВЬТЕ ОРУДИЯ СИЛЫ И ГНЕВА, ПОСЛЕДУЙТЕ ВЫСШЕЙ ВОЛЕ, КОТОРАЯ ЕСТЬ БЛАГО!

Ниор-цев отступил от поста управления. “Выходим,” — бросил он охрипшим голосом и распахнул дверь стеноката. Люди походной службы последовали за ним.

— ЛЮДИ ЗЕМЛИ АРХАБ! ВАШ ИСТОЧНИК ТЁК СРЕДИ ЧУЖОЙ КРОВИ, ТЕ ВАШЕЙ КРОВЬЮ, ПУСТЬ ОН ПОТЕЧЁТ ЧИСТОЙ ВОДОЙ! ВЫ ВИДИТЕ ВЫСШЮЮ ВОЛЮ, ОНА ЕСТЬ БЛАГО, ЧТО ВЫШЕ ГНЕВА И ЯРОСТИ! ОНА КАСАЕТСЯ И ПРИМИТЕ ЕЁ!

Воины Хаб-Элми смотрели на неподвижные махины, которые только что несли смерть, и на чужеземцев, вышедших без защиты. Пророк стоял между теми и другими.

— Я ГОВОРЮ ВО ИМЯ ВЫСШЕЙ ВОЛИ. ВЫ В ЕЁ ПРИСУТСТВИИ. ОТВЕТ ВЫСШЕМУ И НЕСУЩИМ ЕГО ЗАВЕТ.

Джэвэд Очивдат медленно положил рукоять с ржавым обломком клинка на песок и пошёл к Пророку. Тот слез с быстроходника и посмотрел на Шенай Бартеома — ниор-цев тоже двинулся к нему. Балай подошел вплотную.

— Я говорю от народа Хаб-Элми. Мы не уступаем силе и смерти. Но с вами пришло то, что больше силы, смерти, да и вас самих. Это не отвергнуть. Мы принимаем то, то вы несёте, — Высочайший перевёл взгляд на Бартеома, слегка кивнул, повернулся и пошёл к своим людям.

В тишине слышался лишь никогда не прекращающийся посвист ветра.

Мудрые, знающие и путь

Пророк проспал почти непрерывно двое суток, которые заняли переговоры. Только после ухода быстроходника из земли Архаб он встал на ноги больше чем для того, чтобы поесть. Остальные машины починить пока не получалось, хотя один из двигателей после ремонта и множества молитв начал заводиться. Ниосат Кареши смог поднять в воздух пару совлов, но они работали тоже неустойчиво.

Быстроходник ушел набитым запасами воды, которых должно было хватить до долины Альвикан для экипажа, Пророка и ещё пары отправленных с ними людей. Шенай Бартеом остался в оазисе управлять скинией и продолжать переговоры. Его доклад был в запечатанном пакете, переданном Пророку.

Техник постоянно оглядывался на Пророка, когда молился над двигателем или приводом, тот только усмехался в ответ. С того момента, как воины отошли от замерших машин скинии, у него внутри была лишь тишина и категорическое нежелание произносить молитву даже мысленно. “Скинический совет и особый суд могут быть спокойны насчёт запрета касаться молитвой техники,” — думал Пророк с иронией. Говорил он в пути тоже очень мало.

На специальное заседание Синклита Пророка потребовали на следующий день после прибытия в сердце Мци-Хабрит. В зале было сумрачно, несмотря на палящее солнце — на окнах были плотно закрыты ставни.

Пророк оглядел сидевших за длинным столом. Помимо Почтенных из Синклита с их обязательными цепями и троих скиникумов (одного из них он не знал) тут были также двое судей из особого суда и несколько старших знающих Техниона. За отдельным столиком восседали два старца из Кодеха со множеством свитков.

— Годон из семьи Селиот! — Пророк вздрогнул, услышав это обращение. Говорил один из двоих судей.

— Совершенное тобой стёрло наше прошлое решение. Мы объявляем, что все люди Завета знают тебя перед Высшим по имени твоему. Ты достиг этого на том же пути, на котором ранее сошёл с пути Высшего, восславим же Высшую волю и упования на неё!

Пророк поклонился, ничего не говоря. Тишина по-прежнему заполняла его разум.

— Доклад о приходе скинии к народу Хаб-Элми нами изучен, — теперь говорил скиникум. — Однако ниор-цев Шенай Бартеом...

— Кир-цев, — поправил один из Почтенных.

— Верно. Кир-цев Шенай Бартеом описал то, что он увидел и понял. Но ты сделал то, с чём следует нам знать полностью и в подробностях.

— Я сделал то, за что был ранее приговорён особым судом. Я сделал то, к чему ты, эдона скиникум, старался меня подтолкнуть.

— Да, кир-цев походной службы Годон Селиот, именно так, — скиникум не отвёл взгляда. — И теперь скажи нам, как ты сделал то, что принесло успех, тем же путём, который ранее был отвергнут Высшим.

— Я начал с того, что вознес молитву о понимании, что мне следует делать, — Пророк смотрел сквозь собравшихся и стены зала. — Я применил молитву к себе... — он надолго задумался. — Я сделал это тогда, когда не осталось ничего... ничего, кроме упования на Высшую волю.

Он рассказывал медленно, подбирая слова для воспоминаний, которые стояли внутри него ясно, но беззвучно. Тишина, в которой его слушали, напомнила ему о той тишине, что заполняла разум при обращениях к Высшему. Но после того, как он смолк, тишина продлилась недолго.

— Ты предоставил себя как орудие Высшей воли. И твоя просьба была принята, — старец посмотрел в свиток, что пододвинул ему сосед по столику Кодеха, и кивнул. — О подобном есть записи, но теперь мы знаем об этом точно и можем понять, как это происходит. Кодекс благодарит тебя, эдона Селиот.

— Синклит благодарит тебя, кир-цев Годон Селиот, — поднялся один из Почтенных. — Мы отмечаем твоё особое усердие и рвение в служении Высшей воле. Мы приветствуем твой успех в приходе скинии в землю Архаб и называем твоё деяние необычайным в глазах всех людей Завета. Ты выделен среди прочих перед Высшим.

Пророк снова молча поклонился.

— Теперь мы знаем больше о путях Высшей воли. Но не сомневаюсь, что мудрые из Кодеха и знающие из Техниона хотят расспросить тебя ещё очень о многом и повторят свои вопросы не раз, — Почтенный усмехнулся. — Не сомневаюсь, что это будет утомительно и также может потребовать особого усердия. Иди с нашим признанием, эдона Селиот.

Почтенный из Синклита безусловно знал, что говорил. В небольшой комнате рядом с залом Пророк провёл весь оставшийся день, подробно и многократно отвечая на бесчисленные вопросы от мудрых из Кодеха — “После того, как ответом была тишина, ты дальше действовал, не задумываясь? В том числе и произносил молитвы, так?” — и от знающих из Техниона — “В своих молитвах ты полностью опустил предмет приложения, и не заявлял даже намерений, не говоря о действиях, верно?”

Расспросы закончились только на закате. Поглощенные обсуждением записанного — “Это неправильно называть молитвами, потребуется другое слово. Взывание — как вы думаете?” — “Получается, для такого нужны особые обстоятельства, и как ещё определить пригодность человека для... взывания, ты сказал?” — мудрые и знающие оставили Пророка с обещанием продолжить завтра. Прежде чем отправиться в одно из зданий походной службы, тот присел на ступени бокового крыльца Дома решений, наслаждаясь вечерней прохладой и глядя в темнеющее небо.

“Они разберут всё случившееся и определяют смысл каждой детали. И да, они придумают, как обучать... взывающих. Когда — как там сказал он? — осознан новый аспект пути Высшего, да... — дальнейшее будет делом усердия. А усердие в служении — основа нашей жизни,” — Пророк усмехнулся. Он не сомневался, что в недалёком будущем с каждой скинией будет отправляться человек, подготовленный для особых ситуаций, когда упование на Высшую волю будет единственным, что остаётся. И такие ситуации не заставят себя долго ждать, если на них рассчитывать — эта мысль вдруг отозвалась приступом головной боли, как при неудавшейся молитве. “Распространение Завета любым путём есть благо...” — ему не удалось додумать эту мысль.

“Похоже, что я так и остался орудием, предоставленным Высшему для прямого использования,” — эта мысль вернула Пророку спокойствие. Значит, это остаётся насовсем, подумал он. Интересно, что с этим будут делать мудрые и знающие... “А что с этим буду делать я? Есть только один способ узнать.” Пророк приложил руку ко лбу.

“Твоя воля направляет мой разум, путь Твой под каждым моим шагом, о ясности моих мыслей для меня самого прошу Тебя!” — пустота сменила все размышления. Шелест листьев

во дворе Дома решений, тепло ступеней, темнота неба и яркие звёзды на нём, голос где-то в глубине Дома. “...да, если так пойдёт, все скинии станут успешными, никто не устоит...” — и эти слова вдруг отозвались рвотным позывом. Пророк вскочил, охваченный дрожью.

“Эти слова были против Твоего пути!” — дрожь и спазмы улеглись. Разум наполнило спокойствие и понимание.

“Благо людей есть путь Твой и люди Завета приносят благо, принося волю Твою,” — сомнение и дрожь. — “Люди Завета следуют путём Твоим, когда приносят благо,” — спокойствие и уверенность.

Лишь когда приносят благо, повторил про себя Пророк. И это выше Завета, ибо это и есть воля Высшего. Завтра мудрым из Кодеха будет о чём поговорить. “Не встретиться бы снова с особым судом...” — вздохнул он. — “Впрочем, всё в Высшей воле.”

Кир-цев походной службы скинического совета Годон Селиот поднялся и зашагал под звездным небом.

Больше книг на сайте - Knigoed.net